

Культурный центр кавказских евреев США,
Международного фонда поддержки горско-еврейской культуры «СТМЭГИ»,
Студенческий центр «HILLEL» Бруклинский колледж

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ: ПРЕССА И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

(Сборник докладов)

Нью-Йорк,
5 сентября 2007 года

Составитель: Ноберт Евдаев
Редактор: Т. Дорфман
Компьютерный дизайн: М. Куров

СОДЕРЖАНИЕ

4..... Вступление

6..... Г. Захарьяев. **Приветствие**

7..... Н. Евдаев. **Эмиграция и вхождение в новую культурную среду**

11..... Р. Шамаев. **Кавказские евреи поселка «Красная Слобода» гор. Кубы в Азербайджане и взаимодействия с другими этническими группами региона**

15..... Ж. Азарьева. **Развитие СМИ в диаспоре русско-язычного еврейства**

18..... Б. Шалумов. **Благородная миссия искусства в межэтническом сближении**

23..... С. Вайнштейн. **Проблема толерантности в свете культурной антропологии современной России**

26..... Chen Bram: **Multi-Ethnic Networks as a way of life: the case of Caucasian Jews**

Впервые в своей истории община кавказских евреев, а точнее - культурный её центр совместно с организацией «ХИЛЕЛЬ» Бруклин колледжа провел масштабную по идее и по организации конференцию, которая привлекла большое количество работников СМИ, государственных и общественных организаций, а также ашкенази, горских, бухарских и грузинских еврейских общин. На конференцию прибыли ученые из США, России и Израиля.

Сама тема «Пресса и межэтническое взаимодействие» затрагивает широкий спектр сосуществования различных общин, как в городе, в котором мы живем, так и в мире между странами, где бушуют страсти по отстаиванию интересов, как геополитических, так и межконфессиональных.

Число желающих сделать доклад на конференции значительно превышало лимит отпущенного времени. Это значило, что конференция организована своевременно и на тему, которая волнует людей всего мира.

С письменным приветствием к участникам конференции обратился президент благотворительного фонда СТМЭГИ, спонсор мероприятия, доктор Герман Захарьев. Текст обращения приведен ниже.

Обзорный доклад, охватывающий тему «Пресса и межэтническое взаимодействие», сделал главный редактор газеты «Новый рубеж» Ноберт Евдаев. Затронув проблему гомогенных браков как залог этнического выживания субэтнуса, он призвал формировать в общественном сознании большую толерантность, чтобы полностью исключить социокультурные факторы, отражающие различия в менталитете, культуре, религии, образовании, этике.

Председатель Совета старейшин общины горских евреев Рашбил Шамаев рассказал об уникальном опыте многовекового добрососедского проживания иудейской и мусульманской общин в поселке Красная слобода в Азербайджане.

Главный редактор газеты «Форум», председатель совета директоров американского

форума ВКРЕ Михаил Немировский выступил с докладом «Пресса и наведение мостов конструктивного сотрудничества между еврейскими и нееврейскими общинами Нью-Йорка». Докладчик напомнил, к чему приводит несбалансированное межэтническое состояние общин на примере событий в Нью-Йорке, в районе Кроун Хайтс, приведших к человеческой жертве.

Интересное выступление ученой из Израиля доктора Жанны Азарьевой затронуло идею возникновения транснациональной диаспоры. Она отметила, что в последние годы наблюдается тенденция вытеснения печатной прессы Интернет-сайтами, которые все активнее вторгаются в информационную жизнь общин. Что касается будущего СМИ в транснациональной диаспоре, Жанна Азарьева определила три вектора развития: зависимость от финансирования, русский язык как средство общения и, наконец, адаптация русскоязычных евреев в странах их нынешнего проживания. Рафаэль Некталов, главный редактор газеты «Бухариан таймс», а также ее сотрудник Тавриз Аронова и известная в русскоязычной общине Нью-Йорка, ныне занимающаяся детскими программами Балла Зелкина выступили в качестве оппонентов Жанны Азарьевой, что вызвало оживленную дискуссию и внесло разнообразие в обычную спокойную тональность конференции.

С большим интересом присутствующие прослушали выступление научного сотрудника Центра социально-религиозных ис-

следований Института Европы Российской Академии наук, советника президента фонда «СТМЭГИ», доктора философских наук Сергея Вайнштейна.

Казалось бы, какое отношение имеет искусство живописи к межэтническим взаимосвязям? Завоевавший признание высокого уровня живописца во многих странах мира, доктор наук, профессор Биньямин Шалумов рассказал о благородной миссии искусства в межэтническом сближении. На недавно открытой выставке живописных работ Биньямина Шалумова в Дюссельдорфе (Германия) были представлены его работы из жизни Дагестана, и немецкий зритель мог прочувствовать мирное вторжение искусство художника в совершенно новую этническую среду.

Израильский ученый Хен Брам, научный сотрудник Труменовского института Еврейского университета в Иерусалиме, в течение многих лет занимается историей и существованием горско-еврейских общин.

Сам Хен Брам, к сожалению, не смог прилететь на конференцию, но любезно предоставил свой доклад, он включен в данную публикацию.

Участники конференции единодушно приняли резолюцию по результатам выступлений, в которой говорилось:

- Всемерно способствовать укреплению и расширению межобщинных связей с бухар-

ской и грузинской общинами, а также с общинами стран проживания горских евреев в бывшем Советском Союзе.

- Публиковать в газетах общин участников конференции материалы, связанные с темой межэтнического взаимодействия.

- Развивать исламо-иудейский диалог путем проведения совместных форумов.

- Всячески содействовать созданию совместных культурологических проектов с участием деятелей искусства из стран бывшего проживания горских евреев до иммиграции.

Форум показал, что проведенная научная конференция «Пресса и межобщинное взаимодействие» подняла еще на один уровень интеллектуальное содержание горско-еврейского сообщества и подтвердила правильность выработанного курса в укреплении связей с другими общинами.

В завершение конференции прошла презентация только что изданных книг:

- «С каждого дерева одна ветка» издателя, поэта, прозаика Рашбила Шамаева,

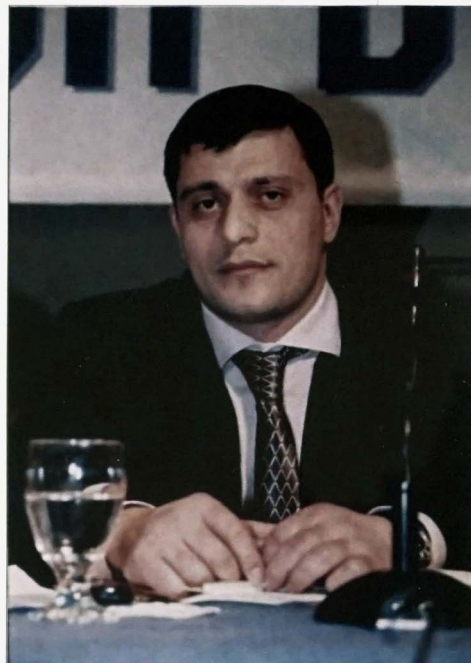
- «Душа Народа» - Издательства New Frontier, автор - израильская писательница Мириам Хейли.

Авторы щедро раздавали книги участникам конференции со своей дарственной надписью.

Ноберт Евдаев

**ПРЕЗИДЕНТА
МЕЖДУНАРОДНОГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО
ФОНДА (СТМЭГИ)
ГЕРМАНА РАШБИЛОВИЧА
ЗАХАРЬЯЕВА УЧАСТНИКАМ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ПРЕССА
И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ**

Уважаемые участники конференции!

Примите мои искренние поздравления с проведением международной конференции, которая затрагивает одну из самых актуальных и важных тем межэтнического взаимодействия. Мы живем в мире сложных и порой противоречивых процессов на всех уровнях сосуществования общин, стран и целых континентов, где в прессе каждое неосторожное слово, фраза, высказывание, статья, заявление, выступление могут привести к катастрофе, и, наоборот, - толерантное, тактичное, продуманное взаимодействие, отражаемое в печати, приводит к миру, дружбе и сотрудничеству.

Учреждая еврейскую газету в таком мусульманском государстве, как Азербайджан,

я прежде всего думал о толерантности. Понимание многообразия культур, знакомство с традициями народов и их культурой вызывают доверие, независимо от этнорегиональной принадлежности. Раскрываются сердца, создается атмосфера доверия. Это первое, что бросается в глаза иностранным гостям, посещающим Красную слободу в Азербайджане, единственном месте компактного проживания евреев в мире.

В Декларации принципов толерантности, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО, говорится: «Толерантность это активное отношение, формируемое на основе признания прав и основных свобод человека».

Желаю успеха в проведении конференции и личного счастья и здоровья!

НОБЕРТ ЕВДАЕВ –

Главный редактор газеты
«Новый рубеж»

ПРЕССА И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Эмиграция и вхождение в новую культурную среду

Конец XX века явился революционным для образа жизни многих людей различных этнических групп и целых народов. Это коснулось и наших – кавказских евреев. Малочисленная этническая общность веками проживала на территории Азербайджана и северного Кавказа. Экономический крах СССР и бесперспективность политической системы разрушили устоявшиеся традиции быть привязанным к земле проживания предков и подвигли многих сделать смелый шаг в поиске стабильной жизни для своих семей на Западе или исторической родине Израиле. Покинув родные места, наш народ оказался в разных странах, где старался заселиться компактно. Так легче прожить в эмиграции. Центром этнического образования – общины являлись религиозные молельные дома, которые сменяли синагоги, там же создавались общественные, культурные центры. Свобода совести и возможность получать обширное религиозное образование, которого были практически лишены наши соотечественники на родине, привлекли значительную часть семей кавказских евреев, отдававших детей в ешивы, возникло новое поколение религиозно образованной молодежи. Создавался замкнутый эмигрантский мир, объединявший светскую и религиозную составляющие. Возникла новая внутренняя культурная

среда, радикально отличающаяся от местной. Первый культурный барьер, к преодолению которого обычно приступают эмигранты, это изучение языка нового местонахождения. Затем идет ментальное приспособление к среде деятельности и профессиональная адаптация. Здесь возникают факторы психологической совместимости иммигрантов, выросших и воспитывавшихся в совершенно другой культуре. Имеется в виду воспитание, система образования, социальная среда, географическое пространство. Кто-то из поэтов сказал: «мы на подметках принесли свою культуру в эмиграцию». Для эмигранта наступает новая пора – нужно перестраиваться, учиться жить заново. К сожалению, не все эмигранты готовы адаптироваться к новым условиям. Некоторые прибывают с амбициями, т.е. физически прибыли на новое место, а ментально еще оставались или остаются там, откуда выехали. Для них время адаптации можно считать потерянными. Те, кто применил испытанный способ социального доверия, толерантности и терпимости, отбросил амбиции, быстрее добивался хороших результатов. Так что обладателям таких качеств всегда легче понять друг друга, пусть даже диаметрально противоположным по темпераменту, интеллекту, культуре людям. Наша русскоязычная пресса играет просветительскую роль и по-

может ориентироваться вновь прибывшим в нелегкой атмосфере иной культуры.

Самосознание и численность этноса.

Человек так устроен, что не может существовать вне национальных традиций и родовых устоев. Существование этноса, а в нашем случае, если быть точным – субэтноса, во времени обеспечивается путем передачи новому поколению родного языка, культуры, морали. Возьмем такой обряд, как свадьба. Кажется, нет в мире ни одного более торжественного обряда – венец любви, о котором мечтают молодые люди. Как правило, она испокон веков проходила по традиционным законам, где невеста и жених подбирались из своей гомогенной субэтнической группы. Несмотря на то, что наука обозначила этот вид брак термином «эндогемный», исследования в этой области не велись, и отсутствует статистика. И, как возможно более редкое явление, заключение брака с представителями других этнических общностей, наука обозначила этот брак как «экзогемный».

Мы не будем сегодня углубляться в эти понятия, потому, что они возможно саморегулируются природой, как, например, рождение на земле приблизительно стабильного соотношения мальчиков и девочек. Наука пока не в силах объяснить этот непонятный феномен. Что касается «эндогамии» в среде кавказских евреев, этот процесс до сих пор поддерживается традицией многих семей из поколения в поколение. Родители, особенно принято, что матери находят невесту или жениха внутри этнической общности, объясняя это возможностью получения информации о семье кандидата в супружеский альянс. Ранее большую роль играла собственность, которая тоже влияла на брак. Но существуют тенденции во времени. С возникновением новой социальной культуры, где женщины получили больше социальных прав, число гомогенных браков постепенно снижается, этнические границы разываются раньше, и возникают объективные условия для смешанных браков, где, как говорят медики и социологи, появляются моменты со знаком плюс: обновляется кровь, нация физически и ментально здоровеет. Однако, к сожалению, ослабляется этническое самосознание, что ведет к исчезновению этноса в целом,

и здесь природа может допустить сбой, как это случилось с некоторыми народами.

Такой немногочисленный субэтнос, как кавказские евреи не могут себе позволить риск постепенного исчезновения, оказавшись в Красной книге как исчезающий вид. Мы знаем, что кавказских евреев насчитывается всего в мире в гипотетическом исчислении, ориентировочно 150.000-200.000. Один из путей этнического выживания – это укрепление самосознания, стремление к этнической общности. Давайте вспомним, что входит в понятие этнической общности, т.е. этнос или, считай, субэтнос. Это устойчивая совокупность людей, обладающих общей культурой с присущими ей образной и ценностной системами, общностью языка, психологического склада, этническим самосознанием и этнонимом. В самосознание общности также входят представления об общем историческом происхождении и исторической судьбе, чувство солидарности в понимании коллективного прошлого, настоящего и будущего. Если исключить из этих понятий хотя бы один элемент, мы можем потерять нашу этническую общность, и тогда исчезает само понятие «кавказские евреи». Здесь мы подходим к поискам катализаторов самосознания и стремления не раствориться в бурлящем котле многонациональной цивилизации. Одним из главных факторов сохранения этнической общности является семья, которая с самого рождения ребенка воспитывает в нем положительные стимуляторы к этнической принадлежности. В таких семьях не возникает, как правило, альтернативы гомогенным бракам. Синагога также служит очагом направления сознания на эндогамию, готовя молодежь к совершеннолетию – бармитству и батмитству, проведению религиозных праздников и религиозных обрядов. Но существует огромная часть общности кавказских евреев, которые, в силу многих причин, относясь с сочувствием к религии, утратили связь с синагогой, уходят в светское пространство, но их подсознание требует подтверждения своей этнической принадлежности. И чем скорее укрепляется самосознание, тем легче закрепляются устои гомогенной общности. Большую роль в этом могут играть курсы по изучению языка кавказских евреев,

которые не мешало бы создать при культурном центре. Я бы сам с удовольствием посещал их. Но первостепенную роль здесь играет семья, где в быту звучит родной язык, но бытовой язык необходимо подпитывать извне. В газете «Новый рубеж», мы стараемся печатать статьи на языке кавказских евреев, и эти статьи наши авторы делают литературно привлекательными, чтобы у читателя было желание вновь и вновь возвращаться к текстам. Таким образом обогащается язык. Раздел этот в нашей газете успешно ведет наш известный всем поэт и публицист Рашбил Шаматов. Огромную роль в поднятии самосознания мы видим в деятельности успешно функционирующего при культурном центре танцевального детского ансамбля, с которым работает руководитель женского коллектива Люба Юсуфова.

Один из аспектов деятельности нашей газеты «Новый рубеж» в выполнении столь важной миссии - возрождение чувства принадлежности к общности через поднятие престижа субэтноса. Для этого мы стремимся выявлять выдающихся людей, печатаем статьи об их талантах и достижениях. Недавно наш культурный центр занялся изданием нашей национальной литературы, печатанием книг на родном языке и художественной литературы на русском языке из жизни кавказских евреев. Сегодня вы в этом убедитесь. Существует еще много резервов для поднятия самосознания народа и необходимо постепенно их использовать, чтобы наш малочисленный народ не растворился. В одном из писем в редакцию читательница из Германии пишет: «Спасибо Вам, что даете нам возможность почувствовать себя не потерянными в океане чужих для нас людей и получать ощущение, что мы частица нашего народа». На мой взгляд, это та самая главная функция, которую должна нести в народ наша пресса.

Взаимодействие культур

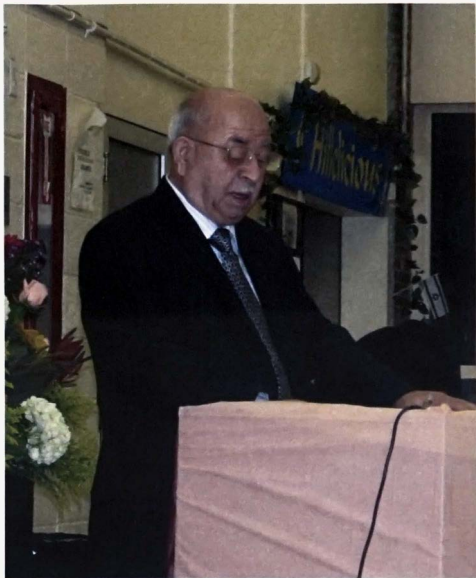
Когда мы говорим о резервах поднятия самосознания, нельзя обойти внешние факторы. XXI век начался со столкновения цивилизации с крепнущими темными силами фундаментализма, экстремизма и фанатизма, которые используют религию, искажая её и обманывая народ в своих целях. Религиозный экстремизм был всегда отвратителен и приводил к много-

численным жертвам. Вспомним испанскую инквизицию, крестовые походы и другие малые религиозные войны, заставившие человечество страдать. Вот и сейчас экстремисты и псевдомусульмане, центр которых сейчас переместился в Иран, уже провозглашают Всемирный Халифат. Бесноватый Ахмадинежад и поддерживающие его стражи революции, насчитывающие 125.000 человек, жаждут развернуть террор против Соединенных Штатов, Израиля и основных цивилизованных европейских стран. Но, к счастью, мусульманский мир не моногамен. Все чаще и чаще в нем раздаются голоса с решительным осуждением террора. На страницах газеты «Аш-Шарк аль-Аусат» 19 апреля 2007 г. выступил известный саудовский проповедник шейх Аид бин Абдаллах аль-Карни. Вот, что он пишет: «В чем вина солдата, который охраняет здание за мизерное жалование, которого ждут дома дети, но который умирает с пулей в груди, потому что он-де вероотступник? В чем вина простого рабочего, официанта ресторана, служащего фирмы, известного шейха, дряхлой старухи, невинного ребенка? Какие преступления они совершали, чтобы их тела разрывали бомбы под предлогом защиты ислама и исламской нации? Ислам не имеет отношения к таким подлым и бесчеловечным делам. Ислам благороден и никогда не опустится до столь низкой злобы. Ислам – божественная, мировая, цивилизованная и гуманная религия». На страницах нашей газеты мы часто печатаем статьи истинных мусульман, осуждающих террор и резко отделяющих себя от религиозного экстремизма. В их выступлениях звучит поддержка Израиля в борьбе против террора и насилия. Существуют цивилизованные государства, как Азербайджан и Турция, где большая часть населения исповедует умеренный ислам и там религия отделена от государства. Это страны, давно впитавшие в себя европейскую культуру, показывают образцы толерантного отношения к другим религиям. В первую очередь хочется особо подчеркнуть хорошее отношение властей Азербайджана к единственному в мире уцелевшему и, я бы сказал, процветающему центру народной культуры кавказских евреев, поселку Красная Слобода в гор. Кубе. Вся история проживания на земле Азербайджана говорит о том, что иу-

дейская и мусульманская религии не являются враждебными, и в отдельных своих постулатах имеют схожую концепцию, которая перешла в бытовую культуру обеих народов. Мы также знаем, что литературная, музыкальная, хореографическая, вокальная культуры кавказских евреев очень схожа с азербайджанской, и это взаимопроникновение культур служит хорошей основой для понимания и дружбы. Старшее поколение азербайджанцев хорошо помнит вклад еврейской интеллигенции в развитие культуры и экономики Азербайджана. Об этом феномене прошли специальные передачи на азербайджанском телевидении, сделан великолепный фильм азербайджанским творческим интеллигентом Фуадом Ахундовым, с кем у нас состоялась встреча здесь в Нью-Йорке.

С распадом Советского Союза и с образованием независимых государств руководству независимой Республики Азербайджан пришлось приложить немало усилий, чтобы постепенно шаг за шагом восстанавливать добрые традиции интернационализма и толерантности. Утраченные в послевоенные годы традиции вместе с кадровой политикой внедрения Москвой понятия «титული нации» сильно изменили кадровую политику в Республике. Сегодня в независимом Азербайджане отсутствует неуважительное отношение представителей одной религии к другой, и люди разных национальностей живут в мире и согласии. Внутреннюю толерантность в Азербайджане нельзя рассматривать в отрыве от мировых процессов. Азербайджан последовательно и устойчиво поддерживает тесные, дружеские отношения с Израилем, и Израиль со своей стороны нуждается в поддержке мусульманских стран, какую ему оказывают Азербайджан и Турция. Недавно в Тель-Авиве состоялся съезд Международной Ассоциации Израиль – Азербайджан, сокращенно «АзиИз», который избрал целый ряд рабочих комитетов. Примечательно, что в числе других создан «Комитет по сохранению Азербайджанского исторического и культурного наследия». Мне особенно приятно отметить, что во всех наших усилиях по пропаганде нашей и Азербайджанской культуры здесь в США принимают участие представители Азербайджанской диаспоры и Постоянное Представительство республи-

ки Азербайджан при ООН. Культурный центр общины кавказских евреев, возглавляемый Яковом Абрамовым, еще много лет назад стал инициатором установления дружеских отношений и диалога с бухарской, грузинской и азербайджанской общинами. Особенно сейчас оказалось очевидным, что нами было выбрано правильное направление, которое еще тогда предвосхищало развивающийся сейчас диалог с Азербайджаном. Наш культурный центр давно понял, что, дополняя друг друга, мы совместно с Азербайджаном можем демонстрировать в США межкультурное взаимодействие. Многие знают, что мы, создав группу «AZEM» на базе нашего культурного центра, куда вошли бывшие бакинцы, провели в 2005-м году джазовый фестиваль, посвященный творчеству выдающегося пианиста Вагифа Мустафа-заде. В феврале 2006 года провели концерт талантливой пианистки Камиллы Мамедовой в Карнеги Холл, в феврале 2007 года в зале Ямаха в Манхэттене прошел вечер памяти выдающегося азербайджанского композитора Кара Караева, в котором участвовали прибывшие из Баку ведущие музыканты-исполнители и певцы. Одной из центральных фигур в этих представлениях занимал представитель кавказских евреев, живущий в Нью-Йорке, талантливый музыкант и композитор Руслан Агабаев. В списке наших мероприятий работа ставшего классиком нашей литературы поэта Рашбила Шамаева. Он перевел с азербайджанского на язык кавказских евреев выдающихся поэтов Востока, в том числе известных азербайджанских поэтов. Эта книга будет сегодня представлена вашему вниманию. У нас разработан план совместных мероприятий с Госкомитетом Азербайджана по работе с диаспорой, и это показывает, что наша работа не носит эпизодический или случайный характер. Современный мир потенциально наделен шансом человеческого единения, и то, что мы делаем, лишь один из многих примеров реального воплощения этой идеи. Для нашей прессы среди многих других задач возникла новая роль – стараться создать инструмент формирования толерантной общины, чтобы исключить социокультурные факторы, отражающие различия в менталитете, культуре, религии, образовании, этике.

РАШБИЛ БЕН ШАМАЙ –

Поэт, Председатель Совета
Старейшин общины Кавказских
евреев США.

Кавказские евреи поселка «Красная Слобода» гор. Кубы в Азербайджане и взаимодействия с другими этническими группами региона.

Дамы и господа! Дорогие друзья!

Сегодня мне выпала большая честь выступать с трибуны зала Бруклинского колледжа на международной научно-практической конференции, организованной Культурным Центром Кавказских Евреев США. Думаю, что тему, которую я затрону: «Кавказские евреи поселка «Красная Слобода» гор. Кубы в Азербайджане и взаимодействие с другими этническими группами региона» будет интересна.

Есть такой город Куба на севере Азербайджана, расположенный под горой Шах Даг. Каждый, кто посещает Кубинский район, влюбляется в красоту этого края. Зелёный пейзаж, свежий воздух горы Шах Даг, журчание реки Гудиялчай, фруктовые сады, ледяная вода источников - все это вдохновляет посещающих эти места, и среди них немало американских туристов.

Старый мост над рекой Гудиялчай более 100 лет разделяет город Кубу и поселок «Красная Слобода», в котором компактно проживают горские евреи. До революции этот поселок назывался Еврейской слободой.

В Кубинском регионе издавна жили разные народы и этнические группы, в среде и рядом с азербайджанцами. Они были разбросаны почти по всей территории края. Одной из этих этнических групп были горские евреи. Несмотря на то, что прошли века, горские евреи и до сегодняшних дней не забыли своих добродетелей. Из архивных документов известно, что расселил на этой территории горских евреев во второй половине XVIII века, где они и ныне проживают компактно, решительный и гибкий политик Кубинский хан Гусейн Али хан и его сын Фатали хан. Они заложили прочный фундамент крепкой дружбы между местными народами. В период его

правления были созданы все условия для сохранения национальных обычаев и традиций горских евреев.

Вообще горские евреи после разрушения 1-го и 2 храма жили и живут в мусульманской среде. Они в этом окружении не только не ассимилировались, но с помощью достойных сынов мусульманских народов смогли сохранить и приумножить свое еврейское наследие.

Они не теряли свои традиции, обычаи и язык. Где бы ни жили горские евреи «Красной Слободы», они всегда будут вспоминать своего спасителя. При Советской власти центральная улица поселка называлось улица Ленина. По просьбе населения посёлка «Красная Слобода» эта улица теперь называется улицей Фатали Хана. Хорошо было бы, если этот поселок назывался его именем, а одну из улиц назвали бы в честь Народного Героя Азербайджана, горского еврея Альберта Агаронова, героически погибшего в бою за освобождение Нагорного Карабаха. Это ему принадлежат слова «Родина проживет без меня, а я без неё нет!»

Народ никогда не забывает хорошие и плохие поступки.

В начале XVIII века иранский шах Надир Шах завоевал Азербайджан и дошел до Кубинских и Кусарских регионов Азербайджана (между Кубой и Кусарами 12 км). Тогда большая часть горских евреев жила в Кусарах. Завоеватели жестоко обращались с горскими евреями. Многим известен один из ярких примеров вошедших в историю: полководец персидского войска Надир Шах однажды ворвался в синагогу во время утренней молитвы и занес меч над раввином, читавшим главу из Торы, но раввин, защитив себя, поднял Тору над головой. Волею судьбы меч прошелся по Торе, оставив на ней глубокий след. Полководец, увидев это Б-жье провидение, произнес: «Ваш Б-г спас вашу жизнь» - и вышел из синагоги. Эта Тора вошла в историю горско-еврейского народа, и долгие годы передавалась из рук в руки, и недавно она подарена историческому музею государства Израиль.

Можно сказать, что горские евреи Еврейской слободы до революции считались одной из ортодоксальных общин сепард-

ского еврейства. В этом маленьком поселке с 8-тысячным населением было 12 синагог. Население было неграмотное. Появление хотя бы пяти человек со средним образованием было чудом. В поселке жил один человек, который знал азербайджанский и русский языки. Если кому-то нужно было написать заявление, шли к нему. Он спрашивал: «Что нужно – еризе или заявление?» За написанное «еризе» он требовал 1 манат. За «заявление» - 3 маната. Нельзя забывать, что Советская власть ликвидировала неграмотность. В этом небольшом поселке функционировали школы на родном языке. Для ликвидации безграмотности для взрослых организовывали курсы. Были составлены учебники с латинским алфавитом. Один из выдающихся сыновей своего народа, горский еврей Яков Агарунов из поселка «Красная Слобода» прошел путь от секретаря комсомольской ячейки в 1920 году до секретаря обкома партии в Куйбышеве 1942-1948 гг.

В книге «Большая судьба маленького народа» он пишет, что в течение 15 лет этот бесправный и абсолютно неграмотный в основной своей массе народ всего за полтора десятилетия специально выработанными для него мероприятиями был поднят до уровня передовых народов страны.

В исторически короткий срок этот народ обрел свою письменность, стал выпускать учебники, художественную литературу и периодическую газету и уже имел первый костяк высокообразованной интеллигенции.

Все это, в том числе газета горских евреев «Коммунист», художественная литература, учебники для горских евреев, издавались в Печатном доме республики Азербайджан в Баку. В гор.Кубе одна страница газеты «Гызыл Губа» была на горском языке. Благодаря тому, что наши предки жили и трудились на благо своего народа, они с честью выполняли свою историческую миссию.

Горские евреи поселка «Красная Слобода» всегда были в дружеских отношениях с другими народами. В одном кубинском районе с азербайджанцами жили и живут таты, лезгины, гиризы, гумуги, хыналыгцы, русские, молokane, татары, субботники и горские евреи. В средней школе, в которой я преподавал и

был завучем, учились дети всех перечисленных национальностей. Эта школа и до сего времени многонациональная, была делегирована на ВДНХ как отличник интернационального воспитания детей и приглашена участником Всесоюзного фестиваля школьников, проходившего в Ворошиловградский области, в городе Антрацит.

Горские евреи очень любили и любят страну, в которой жили и живут. Они всегда трудились рядом с представителями других этнических групп. Только на одном консервном заводе города Кубы более 20% рабочих были горские евреи. Главный бухгалтер этого завода был Шимту Бадалов, заместитель директора Симон Нисанов.

Можно отметить, что главными бухгалтерами многих учреждений (Азторга, РОНО, комолхоза и некоторых совхозов) были горские евреи. Абасисон

Авшалумов работал заведующим орготделом Кубинского райкома партии, а с 2000 года по настоящее время работает заместителем мэра города Кубы.

В центральной поликлинике города Кубы работали и работают горские евреи - врачи, а в поликлинике поселка Красная Слобода врачи-азербайджанцы. В школах поселка «Красная Слобода» работали и работают учителя азербайджанцы.

Горские евреи Кубы радовались и переносили несчастья вместе с нашими соседями. Одной из больших трагедий в конце XX века стал в Азербайджане «Черный Январь». 20 января 1990 года на улицах и площадях Баку пролилась кровь сотен невинных людей, ставших жертвами борьбы за независимость Азербайджана. В этот ужасный день мирные жители оказались под танками. Тогда погибли и были ранены сотни невинных людей. Среди погибших были и евреи. Все жертвы этой трагедии похоронены как герои борьбы за независимость Азербайджана.

А как реагировали на эти события горские евреи «Красной слободы»? В эти трудные дни наш народ ещё теснее сплотился со своими азербайджанскими братьями. Горские евреи «Красной Слободы» были готовы оказать им любую поддержку

Сотни молодых людей собирались в помещении центральной поликлиники города Кубы, чтобы дать кровь для 744 раненых в Баку. Азербайджанское правительство высоко оценило этот поступок, и народ называл горских евреев «ган гардашлары» (Братья по крови). В те дни все горские евреи поселка «Красная Слобода» перенесли это горе вместе с азербайджанцами, как своё. Они во главе с раввином синагоги и председателем поселкового совета участвовали в траурной церемонии, проходившей в кубинской мечети. Помимо мечети на улицах собрались тысячи людей, чтобы услышать молитву муллы в честь погибших. На улице были установлены репродукторы. Когда Рабай Нухав читал молитвы из Торы, все собравшиеся в один голос отвечали: «Оминь!» Это был плач всего населения Кубы и поселка «Красная Слобода». Но не только там, но и в столице Азербайджана, Баку, и по всей республике вместе с азербайджанцами, горские евреи перенесли это горе. Между кубинскими муллами и краснослободинским раввином всегда были дружеские отношения. Иногда он делал обрезание азербайджанским мальчикам.

Азербайджанский народ очень сочувствует и всегда готов помогать другим, когда с ними случается беда. Во время землетрясения в Спитаке, в Армении, несмотря на начинающийся конфликт между азербайджанцами и армянами, по решению Азербайджанского правительства для оказания помощи в Спитак было отправлено несколько самолетов со спасателями, но власти Армении не дали самолетам приземлиться. Один из них взорвался. Погибло несколько молодых людей, азербайджанцев из Кубы и один горский еврей из «Красной Слободы».

После распада СССР азербайджанский народ потребовал самоопределения, боролся за независимость.

В эти дни горские евреи со всем азербайджанским народом вышли на демонстрацию, требуя получить свои права демократическим путём.

Под руководство великого лидера, выдающегося сына тюркского мира, первого Президента независимой Азербайджанской республики, ныне покойного Гейдара Алиева

в 1995 году была принята Конституция Азербайджана. По новой Конституции граждане страны обладают полной свободой выбора вероисповедования. Все права в тех или иных областях жизни народа защищены статьями Основного закона.

Сегодня президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев продолжает верную политику своего отца. Во время встречи с населением Красной Слободы он произнес: «Дорогие сестры и братья!

Дорогие друзья! Я сердечно приветствую всех вас, целую вас, обнимаю. Живущие в Азербайджане горские евреи - это наши братья, это мои братья. Это политика будет вечно проводиться в Азербайджане. Наша общая цель заключается в том, чтобы развивать нашу страну, благоустраивать каждый ее регион, район, поселок, село. Я очень рад, что в «Красной слободе» также ведутся работы по благоустройству и социализации, налицо развитие...»

Каждый еврейский Новый год (Рош а Шана) Президент Азербайджана Ильхам Алиев направляет еврейским общинам республики свое поздравительное обращение. Сегодня мы можем видеть в парламенте (в Милли Меджлисе) Азербайджанской Республики горского еврея из «Красной Слободы» моего бывшего любимого ученика Евда Абрамова.

У горских евреев много общего с азербайджанцами.

Общественно-политическая газета «Бирлик-Единство», которую спонсирует президент Международного благотворительного фонда «СТМЭГИ» Герман Захарьев, на своих страницах освещает дружбу между азербайджанским и еврейским народами. Эта дружба насчитывает столетия, создает почву для тесных, длительных отношений.

Стало доброй традицией на страницах газеты освещать мероприятия в преддверии и в дни Рош а Шана, Новруз, Рамазан, Песах и других всенародных празднеств.

Горские евреи «Красной слободы» очень любят веселиться вместе со своими друзьями Азербайджанцами. Каждое событие, будь то свадьба, рождение детей и т. д. превращается в совместное гуляние.

Многие музыканты и певцы-азербайджанцы поют песни на горско-еврейском языке, а горско-еврейские певцы поют на азербайджанском. Когда видишь радующуюся молодежь с обеих сторон, радуешься и невольно думаешь и говоришь: Как прекрасна жизнь! Да, жизнь прекрасна! И только настоящая дружба спасет наш мир.

Шолом всем!

ЖАННА АЗАРЬЕВА –

Иерусалимский Университет, Израиль

Развитие СМИ в диаспоре русскоязычного еврейства

Масштабные эмиграционные процессы, начавшиеся в русскоязычной еврейской общине в 90-х годах, в короткие сроки привели к тому, что община приняла форму транснациональной диаспоры с тремя основными общинными центрами в Израиле, США и России. На сегодняшний день самое большое количество русскоязычных евреев проживает в Израиле – 1.100.000, в США по разным оценкам проживают от 600.000 до 800.000 русскоязычных евреев, в России также по различным оценкам проживают на сегодняшний день около 600.000 евреев. Более мелкие общинные центры расположены в Германии, Канаде и Австралии.

Политические и глобальные процессы, происходившие в начале 90-х годов, такие как открытие границ, общий процесс демократизации, развитие коммуникаций, транспортных связей и повышение общей мобильности позволили в короткие сроки восстановить семейные, экономические и культурные связи между людьми, ныне проживающими на разных континентах. Именно эти связи впоследствии легли в основу развития экономических, организационных, общинных структур и средств массовой информации.

Первыми СМИ в общине русскоязычных евреев в диаспоре стали рекламные брошюры и газеты, направленные на рекламу малого бизнеса общины, который в то время находился в стадии зарождения, и в своей основной массе был направлен на обеспечение общины различными видами сервиса на родном языке. Уже к середине 90-х годов печатные СМИ в диаспоре значительно расширили свою деятельность за рамки рекламных изданий и стали пополняться более серьезными ежедневными и еженедельными изданиями, освещающими экономические, политические и культурные события в стране проживания и за рубежом. Одним из ярких примеров такого типа издания служит газета ВЕСТИ, выходящая в свет в Израиле и пользующаяся до сегодняшнего дня широким спросом в русскоязычной общине страны. Таким образом, в 90-х годах основную массу СМИ в диаспоре русскоязычного еврейства составляли локальные печатные издания.

В начале нынешнего десятилетия общие процессы развития Интернет-технологий и возникновения в общине различных организационных структур повлекли за собой также

изменения и в структуре СМИ. На базе новых международных, локальных, этнических, религиозных организаций, которые возникли в общине за последнее десятилетие, стали выпускаться собственные СМИ, финансируемые материнскими организациями и призванные освещать их деятельность. Другим направлением, также получившим быстрое развитие в начале этого десятилетия, стало развитие электронных СМИ – Интернет-сайтов различной направленности, принадлежащих организационным структурам, либо частным людям и группам независимых активистов.

В последние годы процесс вытеснения печатной прессы, направленной на локальную общину, интернет сайтами, более отвечающим на сегодняшний день структуре, потребностям и характеру транснациональной общины, стал гораздо ощутимее. «Виртуальная община», не требующая организационных рамок, солидарности с тем или иным течением, и не создающая зависимости в формировании материалов от источника финансирования, в последнее время набирает все большую популярность и объединяет русскоязычных евреев, проживающих на сегодняшний день в разных странах мира.

Нельзя не отметить особую роли в развитии СМИ новых ТВ каналов – RTVI со студиями, расположенными в Израиле, Америке, Германии и России, или ИЗРАИЛЬ ПЛЮС, начавший свое вещание в 2002 году и доступный сегодня в интернете и через спутниковое вещание не только зрителям в Израиле, но и за его пределами.

Таким образом, в течение 15 лет становления русскоязычной еврейской общины в диаспоре СМИ, начавшие свое развитие с локальных печатных изданий, на сегодняшний день включают в себя разветвленную систему газет, журналов, интернет сайтов, радиостанций и телевизионных каналов на русском языке.

Однако именно на пике развития общинных СМИ возникает вопрос об их будущем. На сегодняшний день три основных фактора определяют будущее СМИ в общине. Во-первых, финансирование: сегодня большая часть общинных СМИ финансируется из частных источников, бизнесменами различного уровня. В общей массе финансирование дан-

ных проектов рассматривается не как коммерческая деятельность, а как имиджевые проекты, поддерживающие высокий социальный и общественный статус спонсоров, а также зачастую освещающие их политические взгляды и интересы. Таким образом, в последние годы прослеживается явная тенденция монополизации общинных СМИ бизнесменами, выходцами из общины, которые видят в издании и финансировании общинных СМИ часть собственной PR-кампании.

В данной ситуации интернет сайты занимают более демократическую позицию, так как не требуют для своего поддержания больших финансовых затрат, по сравнению с печатными изданиями, радиостанциями и телеканалами, требующими содержания большого штата сотрудников и специалистов, а значит, могут позволить себе быть независимыми и демократичными в процессе освещения тех или иных событий.

Таким образом, один из основных вопросов выживания СМИ в общине во многом зависит от настроения экономической элиты общины и ее заинтересованности в поддержке общинных СМИ. Однако общие процессы ассимиляции русскоязычных евреев в странах их нынешнего проживания и со временем ставшие более доступными из-за преодоления языкового барьера местные СМИ значительно ослабляют степень влияния русскоязычных СМИ на формирование мировоззрения. А, следовательно, снижают заинтересованность элиты и политических деятелей в использовании общинных СМИ как инструмента влияния на формирование общественного мнения русскоязычной общины.

Вторым важным фактором, влияющим на будущее СМИ в общине русскоязычных евреев, становится сохранение русского языка в последующих поколениях. Ситуация с русским языком в Израиле на сегодняшний день наиболее оптимистическая по сравнению с Западом. Изменения политики абсорбции от «плавильного котла» к «поликультурному обществу», произошедшие в 90-х годах в Израиле вследствие массовой репатриации из бывшего СССР, привели к тому, что на сегодняшний день русский язык преподается во всех государственных шко-

лах страны, начиная с 6 класса. Для детей, проживающих в Израиле не более 4-х лет, русский язык и литература преподаются как родной язык. Для тех, кто в Израиле более 4-х лет, русский язык преподается как второй иностранный язык. Кроме того, в нынешнем году один из ведущих государственных университетов Израиля предложил программу получения академической степени на русском языке. Очень важно также отметить, что русскоязычная община в Израиле составляет критическую массу в обществе, что создает активную среду для сохранения и передачи языка новым поколениям.

В странах Запада ситуация с сохранением русского языка во втором поколении значительно проблематичнее, так как в государственных школах не существует программ изучения родного языка и культуры. Школы с преподаванием на русском языке зачастую расположены в первичных центрах расселения эмигрантов, однако после этапа адаптации в новой стране эмигранты, окрепнув экономически, стремятся вместе с изменением экономического статуса изменить и место проживания в новой стране. Покидая общинные центры, они лишаются общения на русском языке, зачастую ограниченного бытовым уровнем.

Третий, наиболее важный, процесс, влияющий на будущее СМИ в русскоязычной еврейской общине, - общая тенденция к ассимиляции эмигрантов в принимающей стране. Джоэль Коткин, ведущий специалист в области транснациональных диаспор, считает, что чем более успешна интеграция эмигрантов в принимающем обществе, тем менее крепкими становятся транснациональные связи внутри самой диаспоры.

Рассматривая процессы ассимиляции русскоязычной еврейской общины в каждом из крупных общинных центров, можно прийти к выводу, что в Израиле, благодаря многочисленности русскоязычного населения в обществе, процесс ассимиляции наименее болезнен. Однако, несмотря на то, что в политике, экономике и культурной жизни страны русскоязычное население занимает все более активные позиции, сохранение русского языка и культурного наследия остается одним из

важных приоритетов в воспитании будущего поколения.

В США процесс ассимиляции русскоязычного еврейства развивается в двух направлениях: во-первых, общий процесс ассимиляции в принимающей стране, во-вторых, ассимиляция в американской еврейской общине. При этом многие американские еврейские организации ставят своей стратегической целью интеграцию русскоязычных евреев в американскую еврейскую общину.

В России будущее еврейской общины зависит от двух основных процессов: экономический рост, инвестиционная привлекательность, знание языка и бизнес ментальности привлекает многих русскоязычных бизнесменов в Россию, что приводит к экономическому укреплению местной еврейской общины. Важно отметить тот факт, что большая часть общинных проектов, включая СМИ, на сегодняшний день финансируется именно из российских источников, а развитие таких организационных структур как ХАБАД значительно укрепляет не только культурную и религиозную связь с еврейством, но и политические позиции общины. Несмотря на эти позитивные тенденции, в общине часто звучат и критические голоса, утверждающие, что община монополизирована религиозной структурой, что абсолютно не соответствует светскому духу русскоязычного еврейства, что на практике приводит к отторжению основной массы светских евреев в России от активной деятельности в общине. Демографический упадок, старение общины и непрекращающийся поток эмиграции привносит в прогнозы о будущем еврейской общины в России дополнительные пессимистические оттенки.

Таким образом, будущее развитие СМИ в транснациональной общине русскоязычного еврейства определяют на сегодняшний день три основных процесса: это прежде всего поведение элиты и ее заинтересованность в финансировании общинных СМИ, во-вторых, сохранение и передача русского языка новому поколению как объединяющего фактора, скрепляющего общинные центры в разных концах света, и, в-третьих, общая тенденция к адаптации и ассимиляции русскоязычных евреев в странах их нынешнего проживания.

Б.З.Шалумов – академик, д.т.н.,
профессор, художник

БЛАГОРОДНАЯ МИССИЯ ИСКУССТВА В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ СБЛИЖЕНИИ

Уважаемые друзья, дорогие сородичи, глубокоуважаемый Ноберт Михайлович, я с удовольствием принял приглашение на эту конференцию, посвященную благородной цели содействия всеобщему благу и сближению людей разных национальностей, потому что мои убеждения созвучны идеям этой конференции.

Я уверен в том, что в руках у человечества много рычагов реализации задачи межэтнического сближения, и с уверенностью могу утверждать, что одними из мощнейших средств достижения этой цели являются наука и искусство, в частности, живопись. Эта убежденность оправдана моим многолетним опытом ученого и художника, естественным состоянием которого является познание природы на пользу людям независимо от их страны проживания.

Участникам конференции интересно узнать о том, что эта тема занимала и занимает умы многих выдающихся людей. Примером тому существующий в западной Европе уже более

100 лет рыцарский Орден Александра Великого, членами которого в разное время были такие выдающиеся люди как дочь канцлера Пруссии Принцесса Виктория Луиза, Сальвадор Дали, Питер Устинов, члены семьи Аденауэра, Далай Лама, французский писатель Роджер Пирефит, современный немецкий скульптор Курт Аренц, многие видные ученые, политические деятели и деятели искусства. Орден ставит главной своей целью достижение взаимопонимания между людьми различных наций и культур. Направленность моей деятельности в науке и в искусстве была настолько близка идеям Ордена Александра Великого, что послужила причиной того, что в 2005 году я был посвящен в рыцари этого Ордена. Таким образом, я органически вписываюсь в обсуждаемую тему и буду счастлив, если смогу принести пользу в деле межэтнического сближения.

Действительно, многие годы я посвящал науке, и вот уже прошло 9 лет с тех пор, как в моей судьбе произошел резкий поворот,

когда я навсегда оставил науку и с головой ушел в неведомый мне доселе мир искусства - в живопись. Наука помогла мне познать природу и, раскрывая ее тайны, заимствовать у нее то, что необходимо для прогресса. В живописи художник также изучает природу и в процессе познания как бы выделяет своим глазом ее часть и, переводя её на холст, возвращает людям. Люди же через картины начинают познавать мир, знакомясь с уголками света, континентами и странами, где никогда не бывали, и людьми их населяющими. И вот я решил подарить людям красоту природы, чтобы через восприятие этой красоты они оценили красоту человеческую - как высшее проявление окружающего мира.

Путешествуя по миру и изображая мир на полотнах, или представляя свои картины на выставках в разных странах, я присматривался к людям, изучал их нравы, их устремления и цели в жизни, открывая таким образом для себя истину, понимание которой дает возможность воздействовать своим творчеством на их самые глубокие чувства, которые выражены в ценностях совершенно одинаковых для всех людей планеты: это - семья, дети, мир, любовь к ближнему и природе.

Вы видите сюжеты картин из цикла "По всему миру". Посетители выставки в Нью-Йорке или Бостоне наслаждаются пейзажами Москвы и Петербурга, московский зритель восторгается красотами Карибского моря, европейцы любят полотна, посвященные истории Израиля или Дагестана, израильяне и дагестанцы не могут оторваться от видов Франции, Великобритании, Голландии, Швейцарии, Канады или Германии, и все вместе с интересом всматриваются в портретные изображения белых, черных или цветных людей, любуясь добротой их взгляда и красивыми чертами лиц. И никто даже на миг не задумывается об их религиозной принадлежности. Они растворены в этих сюжетах, и вся планета кажется родным местом их обитания. Слияние людей с этим миром, любовь, обретенная через это искусство, служит гарантом того, что никто из них не захочет нарушить покой вновь узнанных мест взрывами бомб или ненавистью к окружающим.

Искусство отражает и в то же время рожда-

ет в душах терпимость и толерантность. И это хорошо видно на примере Дагестана, страны моего детства и юности, сформировавшей мой характер и душу.

Уже в пожилом возрасте судьба в очередной раз подарила мне шанс испытать счастье, когда один из руководителей Дагестана - глубоко уважаемый мною Гамзат Магомедович Гамзатов, тогда член Госсовета. Ныне Советник Президента Республики Дагестан и Президент международного фонда имени Расула Гамзатова, он пригласил меня в Дагестан, чтобы совершить путешествие и запечатлеть на живописных полотнах его красоты. Две недели в июне 2006 года стали для меня днями неподдельного счастья общения с райской природой и прекрасными людьми, уже в который раз поразив меня не только безграничной любовью к родной земле, но и глубокими познаниями своего прошлого, желанием сохранить историю края и правду о мирном сосуществовании на территории Дагестана всех религиозных конфессий. Свидетельством тому - многочисленные музеи практически во всех районных центрах и некоторых селеньях. Как может не поражать воображение, когда видишь, как на огромных горных склонах, например, вблизи селения Сегратль под Гумбом, тянутся лесные массивы, высаживаемые ежегодно по традиции уже много лет мальчиками и девочками в день окончания школы. Уроженец этих мест Гамзат Магомедович Гамзатов готовит к изданию трехтомник - Тора, Библия и Коран, сложенные в едином футляре, а Илья Ханукаевич Урилов, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, уроженец Дербента, ревностный ценитель искусства и литературы, активно коллекционирует произведения живописи, принадлежащие кисти земляков, так или иначе воспевающие как в целом мир, так, в частности, любимый Дагестан, с тем «... чтобы - по его словам - в дальнейшем создать картинную галерею и оставить все людям - благодарным потомкам».

Создавая цикл живописных работ об этом удивительном крае и его людях, я восторгался окружающей красотой, с трепетом углублялся в древнюю историю, наслаждался человеческими лицами. Для меня самого стало неожиданно-

стью то, что, не ставя конкретной цели, сюжеты, перенесенные на холст, подытожили историческую данность: Дагестан - страна веротерпимости и толерантности. Ярким отражением этого стала новая книга - альбом «Из Дагестана по всему миру. Возвращение в рай», выпущенная Дагестанским издательством «ЭПОХА».

Я хочу привести выдержку из предисловия к этому изданию, написанного Гамзатом Гамзатовым:

«Дорогие друзья! Вы получили редкую возможность самостоятельно постичь тайну неосознанного и мировым сообществом феномена многонационального и многоконфессионального дагестанского общества, не знавшего на пути своего исторического развития ни межнациональных войн, ни религиозных конфликтов.

... Дагестан еще в начале 19 века за 35 лет до отмены крепостного права в царской России, освободил рабов, запретил рабство в целом и создал уникальную идеологию свободы личности: - «человек рожден свободным, никому не должен покоряться и не должен стремиться покорить кого-либо, рабовладелец тоже раб!»

На этой ослепительной по своей ясности и неповторимой по своей доступности для каждого человека идеологии и возник феномен древней дагестанской государственности... Возникло человеческое общество, где доминирующей нравственной категорией была всегда и остается сегодня неподражаемая индивидуальность внутренней свободы человека, уважающего свободу и право на индивидуальность другой личности ...»

На полотнах вы видите сюжеты из жизни дагестанцев и, в частности, городские улицы 5-тысячелетнего Дербента, где рядом с древнейших времен бесконфликтно действуют армянская церковь, еврейская синагога и му-

сульманская мечеть».

На протяжении всей истории Дербента объективно сложились принципы толерантности. Неудивительно, что именно известные на весь мир фортификационные сооружения Дербента объединили людей в поисках гарантии безопасности; историческая эволюция привела жителей города к единственному возможному варианту совместного сосуществования - «Вместе и в мире!». Мирное межнациональное и межрелигиозное общение, терпимое отношение друг к другу, выработанное в условиях полиэтнического населения, было свойственно не только Дербенту, но и в целом всему кавказскому региону.

В 1806 году Дербент был окончательно присоединен к России. Город выдержал экзамен на веротерпимость. Дербент стал еще более многонациональным городом. Здесь жили азербайджанцы и русские, армяне и евреи, картвель и финны, поляки и лезгины. Евреи и христиане не только смогли найти контакт с местным населением, но и вскоре стали самими активными деловыми людьми города. Первая всеобщая перепись населения, проведенная в Дербенте в 1895 году, стала свидетельством роста еврейского и христианского населения в городе. Уже на том этапе развития города формируется и укрепляется общий этнос «Дербентцы». Личные взаимоотношения жителей оказались сильнее национальных. В самые тяжелые для христиан и иудеев годы гражданской войны, когда банды басмачей и абреков, не поддерживавших толерантного пути развития региона, устраивали погромы, мусульманское население города встало на их защиту от своих же единомышленников.

Дербент не утрачивал толерантных отношений на протяжении всей истории своего

развития. К примеру, уже в наши времена в разные годы руководящие должности во властных структурах занимали многие армяне. В строительстве почти всех промышленных предприятий Дербента стояли представители еврейской общественности: Мугдоши Хизгилов - основатель ковровой фабрики; под руководством Семена Ильдатова были построены заводы «Радиоэлемент», «Дербентский завод шлифовальных станков», «Завод пива и безалкогольной продукции»; городской молокозавод построил Бирнбойм; первым руководителем дербентского винзавода стал Роберт Нахшунов; Сосун Якубов руководил долгие годы городским промышленным комбинатом, а Биньямин Хазанов - городским пищевым комбинатом; появлению коньячного комбината дербентцы обязаны Закою Семенову; консервным комбинатом многие годы руководила Галина Ягданова. Во главе заводов и фабрик всесоюзного значения - «Динамо», стекольного и коньячного комбинатов стояли русские Бородин, Бунин и Чубов; грек Тимуриди основал в городе и долгие годы руководил заводом шлифовальных станков.

Из 22 председателей глав муниципального образования было 11 мусульман, 6 иудеев, 5 христиан и 1 армянин.

Идеи толерантности, веротерпимости и мирного соседства дербентцев остаются и сегодня. «На протяжении всей многовековой истории нашего города дербентцев отличало стремление к общественному согласию и межнациональной гармонии, на нашей земле всегда мирно уживались люди разных национальностей, различной веры...». Такими словами начинается «Договор об общественном и межнациональном согласии в городе Дербенте», подписанный в 1996 году представителями трех основных религиозных конфессий, в том же году, когда ЮНЕСКО была принята Декларация принципов толерантности. В городе созданы и функционируют Общественный совет города и Совет старейшин Дербента, куда вошли представители трех основных религий, и, более того, принята целевая программа «Дербент - город толерантности и культуры мира».

Свидетельством сближения народностей и религий стали бракосочетания, когда только за один 2005 год из 615 зарегистрированных браков 127 межнациональные, 27 из них межрелигиозные.

Дербентцы знают по несколько местных языков, вместе празднуют свадьбы, дни рождения и даже религиозные праздники. Христиане и иудеи поздравляют мусульман с Курбан-Байрамом, в праздник Пейсах в синагогу приходят с поздравлениями священники и имам; доставленный в Дербент в православную Пасху Благодатный огонь встречают всем городом.

Таковым Дербент был вчера, есть сегодня, и дай Б-г, останется навсегда как пример межэтнического сближения.

Персональная выставка в Москве в январе 2007 года в залах Союза художников России, где был представлен впервые дагестанский цикл, укрепила меня в убежденности в громадной воспитательной роли живописи. Удивительным было то, что многие из посетивших выставку мало или совсем не знали о Дагестане, или знали с подачи СМИ только о том, что там не совсем спокойно, а покидали выставку с любовью к этому краю. Действительно, такие сюжеты как, в частности, «Память Чести», повествующий о победе объединенных сил дагестанцев разных национальностей, порой не знавших языков друг друга, но вместе боровшихся за независимость и победивших считавшегося непобедимым персидского завоевателя Надир-шаха, воспитывают нравственность, показывают молодежи пример того, как надо беречь свою землю, любить ее, дорожить ею, жить интересами общества во имя прекрасного будущего.

Я надеюсь, что созданные с огромной любовью и обращенные к свету картины, дают нам основание утверждать, что люди могут воспользоваться всем прекрасным, созданным Творцом, жить в гармонии с природой и сделать свою жизнь счастливой в окружении себе подобных.

Приветствую всех тех, кто в целях мирной жизни создает каждый своими средствами атмосферу любви и радости пребывания на нашей планете, стихами выдающегося поэта современности Расула Гамзатова, которые особенно созвучны и близки людям, находящимся в эмиграции.

Когда я, объездивший множество стран,
Усталый, с дороги домой воротился,
Склонясь надо мною, спросил Дагестан:
«Не край ли далекий тебе полюбился?»

На гору взошёл я и с той высоты,
Всей грудью вдохнув, Дагестану ответил:
«Немало краёв повидал я, но ты
По-прежнему самый любимый на свете».

Только через безграничную любовь к своей малой Родине человек способен любить весь Мир и нести дружбу и взаимопонимание между людьми разной этнической принадлежности.

Литература:

1. Г. М. Гамзатов. «Предисловие». Кн. «Из Дагестана по всему миру. Возвращение в рай», стр.42, изд. «ЭПОХА», Махачкала- Нью- Йорк, 2007

2. С. П. Ханукаев «Дербент толерантный». Кн. «Из Дагестана по всему миру. Возвращение в рай», стр.5, изд. «ЭПОХА», Махачкала- Нью- Йорк, 2007

ВАЙНШТЕЙН С.И., ДФН, Москва

«ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В СВЕТЕ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ»

ТЕЗИСЫ

Как известно, толерантность как таковая, в различных ее ипостасях, не является видовым признаком рода человеческого. Homo sapiens на протяжении тысячелетий отличался скорее агрессивностью, нежели миролюбием и терпимостью. Человеческая агрессивность заслуживает специального исследования, которое проводят как социологи и историки, так и этнологи и биологи. Мы же отметим лишь тот факт, что человеческая агрессивность многолика и может проявляться в различных формах социального поведения. К многочисленным формам проявления социальной агрессии относят и нетерпимость по отношению к другим народам, их обычаям, традициям, верованиям и т. д.

Еще в первобытную эпоху возникает мифология «мы - они», где «мы» — всегда хорошие, а «они», т.е. «чужие», «не наши» — всегда плохие, злые, одним словом, «нелюди», т.е. не такие, как мы. Свою роль в таком разделении людей и социальных общностей сыграла и религия.

Терпимость с доисторических времен вовсе не была характерной чертой религии и церкви, а совсем наоборот. Это объясняется, прежде всего, социальной природой религии, да и церкви. На протяжении значительной части истории человечества религия была одной из основ идентичности сначала племени и общины, затем народа и нации. В результате первобытные дикари убивали и поедали друг друга по причине того, что у них были разные тотемы, а израильтяне воювали с хананеями как с язычниками. Римляне боролись с христианами, а христиане с иудеями. По мере исторического развития общества, по мере появления новых наций и государств религиозная борьба набирала масштабы, усложнялась. Вскоре началась борьба католиков с протестантами, православных со старообрядцами, шиитов с суннитами и т. д. Таким образом, религия выполняла в обществе не только интегративную функцию, сплачивая в единое целое общину, племя, народ, но и функцию дезинтегративную, противопоставляя одну общину, одно

племя, один народ всем остальным общинам, племенам и народам.

При этом нужно иметь в виду и то, что нетерпимость глубоко укоренена не только в природе человека, но и в сути самой религии, а значит, в каждой религии. Почему? Прежде всего, потому что каждая религия претендует на монопольное владение истиной, претендует на то, чтобы быть единственной истинной и правильной верой и в качестве таковой восприниматься другими. Последние претензии и становятся поводом к религиозным войнам и гонениям на религиозных диссидентов.

Путь к осознанию важности практической реализации принципов толерантности, в том числе и религиозной, в жизни общества был, таким образом, длительным и весьма сложным. Лишь в XVIII столетии заговорили о правах человека, в том числе и о его праве на свободу, включающую и свободу религиозную. В XIX столетии эти идеи стали облекаться в юридическое, законодательное одевание, став буквой и духом многих европейских конституций. Однако сказанное не означает, что проблема религиозных конфликтов, проблема религиозной терпимости сегодня уже утратила свою актуальность. В Иране, Ираке, Судане, Северной Ирландии, Израиле, Франции мы отмечаем наличие как этнических, так и религиозных конфликтов. Специалисты бьют тревогу по поводу роста экстремизма, в том числе и религиозного, в современном обществе. В этом отношении не является исключением и современная «Россия, для которой путь к свободе совести начался практически лишь в конце прошлого столетия. Вот почему о религиозной толерантности, о воспитании толерантности, об опасности экстремизма, в том числе религиозного, нужно говорить всегда и везде, в том числе, а может быть, в первую очередь, и в России.

Актуальность проблемы воспитания религиозной толерантности и борьбы с религиозным экстремизмом для нашей страны связана с тем, что Россия только недавно вошла в число демократических стран, где религиозная свобода давно уже стала обычным явлением, а потому россияне в массе своей не успели отвыкнуть от монополии одной идеологии, от традиций единомыслия. И с

этой реальностью надо считаться. В странах Западной Европы и Северной Америки институты демократии, гражданского общества, религиозной свободы и толерантности стали формироваться еще в конце XVIII столетия; по этой причине в указанных странах давно сформировалось так называемое «открытое» общество. Для «открытого» общества характерно состояние открытости, терпимости, уважения иных традиций, обычаев, верований и убеждений. Такое состояние находит свое выражение, прежде всего, в признании ценностей различных культур, разных народов и различных религий.

Отечественные исследователи отмечают, что наиболее заметно рост религиозной нетерпимости проявляется у молодежи, среди молодых она в 1,5–4 раза выше, чем у лиц старшего поколения.

Весьма показательные результаты были получены при проведении опроса молодежи в Санкт-Петербурге. Опрос проводился лабораторией проблем молодежи НИИ Комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского госуниверситета. Результаты исследования показали, что 4,1% опрошенных молодых людей считают себя религиозными людьми, придерживающимися правил и норм своего вероучения и исполняющими обряды. Эту группу назовем «традиционными верующими». 73,4 % молодых полагают себя верующими, хотя и не исполняющими обряды и правила конкретной религии. Они считают себя находящимися в духовном поиске. Назовем их «верующими ищущими». Остальная часть молодых людей назвала себя атеистами. Исследователи попытались разобраться, насколько молодые люди Санкт-Петербурга представляют почву для экстремизма. При этом они «рассматривали религиозный экстремизм как насильственное навязывание собственной религиозной точки зрения людям иных мировоззренческих ориентаций, как попытку обратить в свою веру, кажущуюся единственно правильной, а также как видение в людях с другими духовными ориентирами «врагов».

Выводы, к которым пришли социологи из Санкт-Петербурга, крайне актуальны, ибо, по мнению исследователей, они констатируют наличие связи между степенью.

Теперь перейдем к современной России. В 1990-е гг. исследование толерантности как важнейшей демократической ценности в условиях становления демократии в России провел западный ученый Джеймс Гибсон. В своем заключении Гибсон отметил: нетолерантность — это одна из основных характеристик современного российского менталитета, что является следствием отсутствия традиций и культурных норм культивирования толерантности по причине неразвитости либеральных традиций в российском обществе и продолжающегося влияния советских норм и традиций с их культом нетерпимости к инакомыслящим, к политическим оппонентам. По мнению Гибсона, нетерпимость в современном российском обществе господствует во всех областях общественной жизни, в том числе и в религиозной сфере.

Российские исследователи солидарны с мнением своих иностранных коллег, отмечая нарастающие темпы религиозной нетерпимости в российском обществе. Они связывают рост религиозной нетерпимости в российском обществе.

Плюрализм в демократическом обществе господствует во всех сферах жизнедеятельности этого общества: в экономике, политике, идеологии, культуре, науке и религии. В частности, религиозный плюрализм — это в первую очередь признание ценностей разных религий и конфессий, понимание того, что все религии и конфессии имеют право на существование в одном обществе, наконец, сознание того, что все религии и конфессии, несмотря на свою специфику и уникальность, имеют между собой много общего. В условиях научно-технического прогресса и процессов глобализации сегодня исчезли пропасти, некогда разделявшие людей и целые народы: культурные, национальные, религиозные. Связи и контакты между разными народами стали необходимостью. Необходимостью стали и контакты между различными религиями и конфессиями. Поэтому сегодня ни одна религия, ни одна конфессия не может далее отрекаться от познания духовных истин иных религий, не может отказывать им в праве на существование.

Толерантность, в том числе религиоз-

ная, является одним из важнейших условий выживания человечества, сохранение цивилизации в будущем. Как сказано в «Декларации принципов толерантности», подписанной 16 ноября 1995 года в Париже 185 государствами членами ЮНЕСКО, включая Россию «Толерантность это добродетель, которая делает возможным достижения мира и способствует замене культуры войны культурой мира».

Сергей Вайнштейн, доктор философских наук, научный сотрудник Центра изучения религии и общества Института Европы РАН, советник президента Международного фонда «СТМЭги»

(Использованы материалы из готовящейся к изданию книги А.Красикова, А.Григоренко, С.Вайнштейна «Религия в современном мире».)

Chen Bram, Truman Institute,
The Hebrew University of Jerusalem.

Multi-Ethnic Networks as a way of life: the case of Caucasian Jews

Short Data for

Studies, university degrees:

Anthropologist and Organizational Psychologist, Studied in the Hebrew University of Jerusalem. Conducted field work in Israel and in the Caucasus among Adyghe (Circassians), and Mountain Jews (Juhur). Currently at the final stages of PhD on "" Ethnic Categories and Multicultural policy In Israel and in the Caucasus: The Mountain Jews between Europe and Asia", and teach in the Department of Sociology and Anthropology at the Hebrew University.

Present profession, academic institution, research institute:

Research fellow at the Truman Institute. Work with various organizations and projects, in the fields of Multiculturalism, Emigration, Diversity and its implications and Conflict Resolution.

Publications.

Among recent publications: "The Circassian World Congress: Dilemmas of Ethnic Identity and the Making of an Ethno- National Movement"

in "The Caspian Region", Routledge. 2004; Recognition, non-recognition, and misrecognition: The case of Ethno-Cultural groups among Immigrants to Israel from the CIS", (Hebrew), in: "Multiculturalism, The Israeli experience" ed. By O. Nahtomi, Jerusalem: Magnes. 2004; "Muslim Revivalism and the Emergence of Civic Society - a Case Study of an Israeli- Circassian Community" Central Asian Survey, 22 (1) 2003, 5-21. Co-editor of the book - Human Dignity or Humiliation? The Tension of Human Dignity in Israel, [Hebrew] Jerusalem: .Van-Leer Institute and Hakibutz Hameuchad Publishing House.

Abstract

The Caucasus, one of the most ethnically diverse regions in the world, offers a unique opportunity to study the situation of Jews in a Multi-ethnic society: an area where the relations between Jews and their surrounding require a discussion of Multi-ethnic networks- almost always in Plural.

Based on an anthropological field work the study analyze Caucasus Jews (CJ) rule in multi-ethnic networks. This analysis shed light on major issues in the understanding of CJ recent history and their position in the Caucasus.

The paper argues that analyzing Jewish identity and Jewish existence is not possible without an understanding the place of Jews in multiethnic surroundings. For this purpose the paper offers a theoretical approach which enables the analyses of complex and multi-faceted social field with a focus of every-day experience. This approach also highlight the importance of attention to the inter-relations between the maintenance of ethnic boundaries and the interactional patterns of Jews with their surrounding. The example of Caucasus Jews shows also that these inter-relations should be analyzed in the context of the general characteristics of ethnic relations in each context.

Introduction¹

The small courtyard I visited in summer 2003 in the old part of Derbent, a city in the Autonomous Republic of Dagestan, was at that time shared by 3 families. Their small apartments were located around the common yard, about 20 square meters in size. A common gateway from the back side of the street led to the yard and then to the apartments. I entered the yard with Simandu and Sadiq: Simandu is a Caucasian Jew who used to live in Dagestan but moved to Israel more then 20 years ago,

and Sadiq, a Lezgin², was still living there. We sat in one corner of the yard and they shared their memories of the 1970's when they lived there during the Soviet period. Six families of five different nationalities used to live there in this period (later the two apartments were connected into one). The two men counted their former neighbors and mentioned their national³ belonging: the Azeri, then next door lived neighbor with Armenian father and Russian mother, then next to him a Dargin, then a Qajar ("they are Azerbaijan, but originally from Iran, Simandu explain) and themselves- the Lezgin and the Jew⁴. While sitting in the yard, they shared their memories with me from this period, which dealt with everyday life. It clearly was the base for their friendship and relations, which survived for many years since Simandu left to Israel. The scene of this multiethnic courtyard, as I will show below, reflects relations that should be understood in a larger context than just mere neighborhood relations and nostalgic memories. The 'common resident' is one important example of the multiethnic interaction in the construction of Multi-ethnic networks in which Caucasian Jews were major participants.

The Caucasus is one of the most ethnically and linguistically diverse regions in the world, which presents a unique opportunity to study the situation of Jews in a Multi-ethnic society. This area, (the relations between Jews and their surroundings) requires a discussion of Multi-ethnic networks- almost always in Plural.

In this paper I will examine different mani-

¹ My study of Caucasus Jews was supported by Ben-Zvi Institute in Jerusalem, the Harry S. Truman Research Institute, of the Hebrew University of Jerusalem, and by the Memorial Foundation of Jewish Culture. I would like to thank Harvey E. Goldberg for his support and Vivienne Burstein for her help and comments. In my 2003' field trip to Dagestan and North Caucasus I enjoyed the hospitality and assistance of several people. I thank the warm hospitality of Igor Semenov and his family (Makhach-Kala), Valery Yakobov and his family (Piatigorsk), Yuri and Bella Yegudayev and their family in Moscow, Tanya Shemakhova and Boris Shubayev in Nalchik, as well as for the great assistance I got from Stella and Igor Pinhasov, Genadi Sassonov, Mogamed-Rasul Ibragimov and Magomedkhan Magomedkhanov (Makhach-Kala); Matzliah & Sarah Immanuel and Ada & Aleks Safanov (Israel). Many other people were very helpful and hospitable, and space does not permit me to enumerate all their names here.

² Lezgins are local Muslim group, concentrated especially in Southern Dagestan and Northern Azerbaijan. Their language belongs to the Caucasian group. For different ethnic groups mentioned below see Alexandre Bennigsen and S. Enders Wimbush, *Muslims of the Soviet Empire. A Guide* London, 1985; Krag, Hallen and Funch, Lars., *The North Caucasus: Minority at a Crossroad: International Minority Rights Group*, London, 1994

³ "National" here refer to the Soviet use of this term (nazionalnost). See - Slezkine Yuri, 1994, *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism*. *Slavic Review*, 53, no. 2, 414-452.

⁴ This list represents only a small example of the ethnic diversity of Dagestan. It also represent religious diversity: beside Sunni Muslims (the majority in Dagestan, represent here by the Dargin) it includes Christians (here Armenian by father, Russian Orthodox by mother), Shiite (Most of Azeris, or 'Azerbaijan' as Simandu refer to them are formally Shiite Muslims) and Jew.

festations of Multi-ethnic networks, and their importance to the understanding of Caucasian Jews (known often as 'Caucasian Mountain Jews', from here on CJ) and their experience in the Caucasus during the last decade. Utilizing an anthropological methodology, I will analyze different patterns and phases of interaction between Jews within their surroundings in Multi-ethnic societies by detailing two examples which I documented during a field trip to North Caucasus in the summer of 2003⁵. I will then connect these examples to a larger discussion of CJ and their recent history. By this, I hope to demonstrate the importance and the meaning of multi-ethnic networks, as well as, to show the potential contribution of an anthropological approach to the study of Jewish experience in Multi-ethnic networks and in other places and eras. Before addressing these points I want start with some background of CJ and later I will provide some ethnographic examples of the multiethnic experience in the Caucasus.

Background: CJ in the North Caucasus

The Caucasus is one of the most diversified areas in the world in terms of ethnic groups [or people] and languages.⁶ According to some scholars CJ Jews arrived to the area in the 5th century BC from Persia, although there are different opinions about the origin of the group and the time of their arrival to the Caucasus. Beside CJ, Ashkenazi Jews from Russia and Ukraine settled in the Caucasus since the 19th century after Russian domination of the area, and with even bigger numbers during WW2 and after it. These Jews are commonly referred by locals as "Evropeiskii Evrei" (European Jews),

or "Urus DJuhud" (Russian Jews) while CJ, in comparison are perceived as "locals" Jews, or "Mountain Jews".⁷

The boundaries and distinctions between these Jewish groups were usually quiet sharp, but there was also cooperation between them, such as CJ assistance to Ashkenazi Jewish refugees during Second World War and the collaboration in Zionist activity already since the beginning of the 20th century.⁸

CJ refer to themselves as Juhur (meaning "Jews"), and speak in their own Jewish Language: Judeo-Tat, as it is usually called by linguists or Juhuri ("Jewish"), as it usually called by the people of the community⁹. The language and its name are connected to another important issue in CJ recent history: the policy of "Tatization" - the attempt of Soviet Authorities together with the cooperation of some CJ activists, to classify CJ as "Tats", part of a "Tat" nationality, which also encompasses Muslim and Christian-Armenian Tats, two small minority groups who speaks other Tat languages/dialects¹⁰. This policy stressed

⁷ Gorski Evrei in Russian, "Dag' Juhur" in local languages. It should be noted that this is a general term relating to the Mountainous character of the area, while actually already since the end of 19 C. most of the Jews lived in towns in the plains and near the Caspian sea, not in the mountains...

⁸ Altshtuler Mordechai, The Jews of the Eastern Caucasus, The History of the "Mountain Jews" from the beginning of the Nineteenth Century. Ben Zvi Institute and the Institute of Contemporary Jewry, The Hebrew University, Jerusalem 1990. 486-506.

⁹ Other self names are Parsi and simply "Zuhun Imu" (our language). On this language see Zand Michael "Evrejsko-tatskij jazyk" [Judeo-Tat Language] in: *Kratkaya evrejskaja enciklopedija*. Ed. By Oren, Yitzchak, Zand Michael second volume. Jerusalem, 1982, 459-462; and Miller, Vsevolod, Materiali dlya izucheniya evrejsko-tatskovo yazika [Materials for the study of Judeo-Tat language], Centk-Peterburg 1892.

¹⁰ The biggest group among those is Muslim Tats, and most of them live mostly in Azerbaijan. There are a few small villages of Muslim Tats in Daghestan, and they are no Tats in other parts of North Caucasus such as Kabarda. At the same period when policy of "Tatization" were implemented, especially in Daghestan, Muslim Tats (in Azerbaijan and the tiny group in Daghestan) went through a process of Turkization and tended to declare themselves as Azeris. While the group itself had interests of separating themselves from the problematic statues of Jews under Tsarist and Soviet regimes, it seems that the wide implementation of this policy represent the authorities aims to weekend CJ connections with other Jews, and to avoid Zionist influence on them. See Altshtuler, The Jews of the Eastern Caucasus 129-131; 527. For different views on

⁵ This journey was part of a long anthropological field work, conducted in Israel among Immigrant from the Caucasus, and included also several visits to the Caucasus and to other communities of CJ, such as in Moscow and New-York.

⁶ Arutyunov, S., "Minority without Majority: Caucasian Ethnic Mosaic". *Russia and the Moslem World*, N7 (73). 1997 [Rasy I narody, . No. 24 pp.175- 179]; Gammer Moshe. Unity, Diversity and Conflict in the Northern Caucasus, in: Ro'i Yaacov (ed.) *Muslim Eurasia, Conflicting Legacies*. Frank Cass, London, 1995.

that "Jewish Tats" are Jews only by religion, and hence have no connection to other Jews or to the Jewish people in general. The policy was based on cooperation of CJ elite, and it raises important questions regarding CJ, their identity, their identification and their relations with their social and political surroundings. These questions have not yet received proper research attention and they are not the main focus of this article. However as I will show later, examining the places of Jews in Multi-ethnic networks can throw some light on these complicated issues.

CJ lived in vast areas of the Caucasus, from Azerbaijan in the South-East to the Russian districts of Stavropol in West-Central North Caucasus. The situation of communities scattered all over north Caucasus mean that Jews had connections with different local people - even more than other groups, which provided for them possibilities in trade, etc. Although, CJ from various localities had connections, it is hard to refer to CJ as one "community" - CJ were a general category, with regional communities who differentiated in dialect (4 major dialects of Judeo-Tat)¹¹, in customs and in many other areas. In each different location the Jews also adopted a local identity through the influence and connection with other local people, while maintaining a Jewish identity. I saw an example of this occurrence on several visits to Nal'chik during the 1990s. The local Jews, who live among the Kabardinians, stressed their local identity and referred to the Jews of Grozni, for example, and their customs as "Chenen Jews". At the same time both groups could be distinguished from the Jews in Azerbaijan, who were under strong Azeri-Turkic influence, or from

the Jews of Multi-ethnic Derbent in Daghestan. The importance of local identity is connected also to Multilingualism as an important characteristics of CJ: besides the "lingua franca" of the area (Russian, which replaced Turkish) and their own language (Juhuri or Judeo-Tat, which was replaced by Russian during the last decades of 20th century), Jews, especially men, spoke or at least understood a few local languages of their neighbors.¹² Beside spoken language they were also familiar with non-verbal behavioral codes of different groups. Such codes, "Adat" as it is generally referred to in the Caucasus are extremely important. Familiarity with different level of Adat (of all Caucasians, and of specific people) is one of the markers which could differentiate a "local" from a "foreigner".¹³ This background already points out the important role that Multi-ethnic networks played in the life of CJ. Still, with this diverse background, it is hard to refer to the experience of CJ in a general context. In the following discussion I will refer especially to two areas within the north Caucasus: Daghestan and Kabardino-Balkaria (KB). Both are located on the edge of Europe, an area with a strong Russian influence (especially KB) since the Russian empire conquered the Caucasus in the 19th century until the present day where it is a part of the Russian Federation.

Daghestan, a land of "minorities without majority"¹⁴, is the homeland of numerous ethnic groups¹⁵. The biggest groups are Avar, Dargin, and Lezgin. Daghestan was an important historical center of CJ. One of the most important Jewish centers was the city of Derbent, located in a strategic point between the shore of the Caspian Sea and the mountains on the route connecting Asia and Europe. About 15,000 Jews (about 15%) lived in Derbent in the beginnings of the

this issue see also - Zand, Michael. Notes on the Culture of the Non Ashkenazi Jewish Communities Under Soviet Rule, Soviet Jewish Affairs 16 (1) 1986, 379-442 and Chelnov, Michael A., "Oriental Jewish Groups in the Former Soviet Union: Modern Trends of Developments". The Twenty first Annual Rabbi Louis Feinberg Memorial Lecture in Judaic Studies, Department of Jewish Studies, University of Cincinnati, 1998; Semenov Igor, () The Mountain Jews in the Caucasus: Certain Aspects of Ethnic Identification. Central Asia and the Caucasus 3 (21) 2003, 165-173; Nazarova, Evgenija (2002) "Certain aspects in the Tat ethnic myth: on the terminological situation of Mountain Jews Language", paper presented at the international conference "The Mountain Jews- from the Caucasus to Israel" Ben-Zvi Institute, Jerusalem, 8-10.10.2002.

¹² Zand, ibid. 385.

¹³ For Adat and other local attributes of CJ see also Tsherni Yosef Yehuda ben Yaakov Halevy, "Sefer Hamasaoth beretz Kavkaz ubmdinot meever leKavkaz uktzat mdinot aherot bnegev Russia mishnat Hatarka'z lishnat Hatarlal'ah." [Book of journeys in the land of Caucasus and in Lands beyond Caucasus and in some other lands in southern Russia] St. Petersburg 1884. 12-14.

¹⁴ Arutyunov, S., "Minority without Majority" (see above fn 6).

¹⁵ For a recent account on Daghestan after 1990 see Robert Chenciner. Daghestan: Tradition & Survival. Curzon, London and New York, 1997

1970's¹⁶ at the eve of the 1970's, and later the 1990's immigration of most of CJ to Israel¹⁷. Other Important Jewish communities included Makhach-kala, the capital of Daghestan, and Buinaksk (known also as Tamir-Khan-Shura). Jews were also scattered in other towns and villages. The second area is Kabardino-Balkarya (historically known as Kabarda), with Kabardinians (part of the Circassian people) as the largest group, as well as Russians, the Turkic speaking Balkars, and other small groups. Jews were concentrated mainly in Na'l'chik, the capital of Kabardino-Balkarya. They were among the first inhabitants of this city when it was still a Russian fort in the 19 Century, and then constituted a large community, mostly in a specific area - "Kolonka". 6000 to 10,000 Jews lived in Na'l'chik in the second half of 20th C.¹⁸

Both Daghestan and Kabardino-Balkarya were autonomous republics within the Russia Soviet Republic, and retain the same status in the Russian Federation after the disintegration of the Soviet Union.

Living together in a Derbent Yard: an Ethnographic account

One of the things I wanted to see while planning a few weeks of ethnographic work in Daghestan in 2003 was the patterns of multiethnic residence. Many CJ immigrants in Israel told me about this way of living. Derbent, in particular, was a place which they depicted in their stories, describing the old buildings in the old town,

where few families of several nationalities lived together around a shared yard. I visited the Caucasus a few times before and saw different types of multiethnic neighborhoods, but had missed this specific pattern of old Derbent. The stories I heard usually referred to this experience as part of telling about the important place that Jews used to have in this town. These stories were also full of memories of neighbors, friends and colleagues from other ethnic groups. But, in fact, my wish to see some remains of this in 2003 was a chase after the shadows of bygone days. After all, by this time the majority of the Derbent Jewish population had moved to Israel, to the Piatigorsk area in the "Russian" Caucasus, to Moscow and to other countries - the remaining population, mostly elderly, did not live in those old neighborhoods. I stayed in another area of Socialist blocks with small apartments (where inter-ethnic interactions were not less interesting, but different) and I also visited some other Jews in rich new neighborhoods of the town. The synagogue, however, remained at the same old place, close to the center of the old town, not far from an amusement park, standing on the place where the old "Jewish neighborhood" used to be until the Authorities demolished it in the 20's.¹⁹ When visiting the synagogue I met a Caucasian Jewish man who came from Israel --- his father, who was living in a village near Derbent, just died, and the mourning man came to the funeral more than 20 years after he had left the Caucasus. The man, Simandu²⁰, worked as a technician in Israel, and although he very much appeared to be a local when I first saw him at the synagogue (I could not guess that he was an Israeli), once he recognized that I am an Israeli he started to talk with me in Hebrew (instead of Russian and Judeo-Tat, which were the languages used by the few older people in the synagogue). Hearing about my general interest in CJ and their local experience in Derbent he invited me to join him and offered to show me how Jews used to live in this area. Meeting him and his brother the following Shabbat morning in the synagogue and walking with them to the place where they lived turned out to be an unexpected opportunity to go into the past, and to understand patterns of

¹⁶ Altshuler, *The Jews of the Eastern Caucasus*, 225. 1500-2000 remained their in 2003 out of about 800,000 people (up to 100000) in the city (the figure I heard during my visit from different community activists ranged from 8-9000--"official numbers" was the term used---to 1500 or 2000--"practical number" - the term used by the same activist).

¹⁷ On CJ immigration to Israel see Bram, Chen "Mikavkaz LeIsrael- Aliyat Yehudei Hahar" [From the Caucasus to Israel: The Immigration of the Mountain Jews- Anthropological Perspective on the Communities in the Caucasus and Issues in their Integration into Israel"] Jerusalem: JDC-Brookdale Institute, 1999.

¹⁸ Altshuler, *The Jews of the Eastern Caucasus*, 232. Na'lchik inhabited about 250000 people in the 1990's. Jews were the majority in this area, but beside them lived people from other groups: Ossets, Kabardinians, Balkars, Volga Germans and others. The interviews taken by Danilova, stress the co-existence of Jews and other people in Na'l'chik.

¹⁹ Altshuler, *The Jews of the Eastern Caucasus* 222-224

²⁰ This is a local pronunciation of the Hebrew "Siman-Tov".

living in this neighborhood, where Jews used to live almost in every court-yard, together with people from numerous other ethnic groups.

Simandu took me to the yard where he used to live before he immigrated to Israel, and where he stayed now, with his former neighbor. We met this neighbor, Sadiq, a Lezgin, in the street, near the synagogue. I did not have to guess his nationality: Simandu introduced me to him by his name, and then stated his nationality. "His is coming from Kura, nearby the Jewish village of Khandzhel-Kala," he explained²¹, "and I sold my former apartment here to him. Now, when I arrived, I came to him. I stay one night with him and one night with my sister-in-law, and I also use his car while staying here." We entered the yard, and Simandu's host also became my host for a short time. Simandu came to live here when he was young: he took his new family and moved from the village to the town. We set in one corner of the yard, and both, the Jew and the Lezgin, told me about their shared experience of life in this courtyard: for example, how they used to sit together at night time after the kids went to sleep, in the middle of the common yard playing cards or talking, and how one day, Simandu, quite big man, fell asleep while his neighbors were waiting for him- so jokingly, they went to his house and carried him out, still sleeping- he told me laughingly. Such stories were followed by some comparison between Soviet old times and the present fragile situation of Daghestan. Although this situation called for nostalgic memories, it should be understood in relation to local context and local history. This context, as I will show below, show that these memories were not mere nostalgia or politeness (regarding my presence as the "audience") but also reflected cooperation, mutual recognition and friendship as characterizing factors of the relations between these individuals from different ethnic and religious background - although this does not exclude tensions that were also part of this multiethnic interactions. This was stressed by the connection between Simandu and Sadiq: when he came back, the Jewish man did not stay in the village where his father's house was, or in

a hotel, or even with his Jewish relatives. Rather, it seemed natural for him and his older brother, to stay in the apartment of his former neighbor, the Lezgin who had bought his apartment 20 years ago.

The neighbors in this yard, although coming from different groups, shared similar background and their story reflects the tendency of urbanization in the 1960's- 1970's.

Multi-ethnic relations in context: the roots and meaning of plurality.

Residence patterns provide one example of how multiethnic interactions take part in everyday experience in a way that mark out differences, but at the same time also stress similarities that exists beyond ethnicity. These patterns of residence open opportunities for economic cooperation, and beyond all can create personal relations, mutual cooperation and responsibility. In other words: it gives importance to Multi-ethnic networks. From this perspective, the scene of the shared courtyard is only a starting point to understanding the position of Jews in different Multi-ethnic networks in other spheres.

This mutual recognition of differences, accompanied by cooperation beyond ethnic boundaries, was something that had roots before the creation of such multi-ethnic neighborhoods, accompanied by multiethnic ideology, in Soviet times. Taking the residents of this yard as an example shows that although they came from different areas and groups, most of them lived in a multiethnic community in their former villages - or at least in their regions. In this context, for many of them local Jews were known to be part of their multiethnic society. Simandu, for example, came from the village of Khoshmanzil, near Derbent, where Jews lived beside local groups such as Tabasaran and Azeri.²² His father remained in this village after going to Israel for two months in 1997. He preferred to go back to the village where he was the last living Jew. After his death only the cemetery remained. The salient place of Jews as part of local multiethnic society was even more significant in Derbent itself, where Jews made

²¹ The village called also Khandzhankala or Khendzhele-Kele. On Jews in this village see Altshuler, *The Jews of the Eastern Caucasus* 171-172.

²² On Jews in this village see Altshuler, *The Jews of the Eastern Caucasus* 182-183.

up a big and important group since they settled there in 17th century²³.

The place of Jews in this multiethnic society was influenced by a factor that relates to the meaning of such diversity in general. My description of the local yard stressed a kind of multicultural society where mutual respect of ethnic and cultural identities was based on small scale interactions. However, at the same time there were also distinct tensions between these groups.²⁴ One Example is the tension between people of the mountains (such as Avar or Lezgin) and people of the plains (such as Kumiks and Azeri). In some contexts such tensions were not less important than religious distinctions. Tensions also existed between the largest groups over hegemony (especially between Avar and Kumiks), and between different people over land, especially due to Soviet interventions and due to the impact of Stalin's deportations (as in the case of Aki-Chechen). Hence, in many cases relations with local Jews were less loaded than relations between other groups.

This complexity shows the importance of understanding the place of Jews in relation to the local "ethnic map". Looking at ethnicity allows a plural context, rather than a more binary model of majority-minority, which concentrates on religious identities: CJ experience should be understood as an example for Jews in multiethnic surrounding, not only in the traditional approach which views Jews first and foremost, as a religious minority. Stereotypes and collective images give another hint to the meaning of multiethnic framework. In Daghestan, as in other places, one collective image of Jews is that they are smart and/or wise people. But a proverb I heard from both a Jewish community activist and an Avar academician also says: "when a Lak

is born the Jew cries"²⁵ (The Laks are a small, native, mountainous people). "But why does the Jew cry?" I asked. "Because Laks are as smarter as Jews," was the answer.²⁶

Multiethnic context, however, does not necessarily undermine religious differences, and the Caucasus is also a meeting place of religions - not a binary religious field. Remembering this, it seems that comparison with other religious minorities can tell more than the anecdote dealing with Muslim Laks. Such comparison raises a question whether CJ were the group which symbolized "the other", as happened sometimes in different parts of Europe for certain economic, historical, and /or cultural reasons. Comparison to other groups is interesting here. It seems that Christians Armenians, for example, more than CJ, were close to a kind of structural situation of "middle man minority"²⁷, although they were part of the local society as well. Russian settlers in the area, as part of colonial power, took a different position as "the other" in modern era²⁸. Caucasian Jews, on the other hand, in many respects were considered to be closer to other "local" mountain people, although it is a question for further research when and where CJ also

²⁵ "Kogda lakets rodilsia -evrei zaplakal.. I was told by Igor Semenov that this is a version of a Russian proverb that speak about Tatars, who had the image (among Russians) of shroud people.

²⁶ Or "Because Laks are even smarter than Jews" in the Avar academician's version. I understand this proverb, in both contexts I heard it, as an example for a complex multiethnic system. Still, it is a question whether this proverb sign an exclusionary view (and even sounds like straight anti-semitic humor, as one of my colleagues remarked) or as a humorous, but inclusionary proverb, as I understand it.

²⁷ Bonachich, Edna, A theory of Middleman Minorities. *American Sociological Review* 38, 1973, 583-594.

²⁸ Residential patterns at list in this specific example, also stress out the differences between "being local" vs. the Russians, who usually did not inhabited this blue-collar old quarters. Although in some other cases residential patterns could be also a bridge between Russians and Caucasian people, and in this cases Russians situation were ambiguous, and sometimes considered to be "local" as well. For current situation of Russian see also Laitin David M., *Identity in Formation, The Russian Speaking Population in the Near Abroad*. Cornell University Press, Ithaca and London. 1998. Comparison to this case is relevant to some degree, in the case of Russians situation in autonomous republics that stayed under Russian control, especially Daghestan, although an analytical separation of "state" and "society" levels is more crucial in such cases more then in Laitin discussion.

²³ On Derbent Jewry see Altschuler, *The Jews of the Eastern Caucasus* 213-225. Jews probably lived in Derbent also in earlier periods and even in ancient times, and the Talmud Yrushalmi. Megilah 4-5 mention "Rabbi Shimon of Terkent"--which is probably Derbent. See Yusephov, Moshe. *Hayehodim Haharariyim bekavkaz ublIsrael [The Mountain Jews in the Caucasus and in Israel]*, Jersalem: Printiv Press, 1991

²⁴ For current discussion of these tensions see Gammor Moshe, *Walking the tightrope between nationalism(s) and Islam(s): the case of Daghestan*, *Central Asian Survey*, 21(2) 2002, 133-142.

suffered from different kind of hostility, and even anti-Semitism in some areas (especially in Trans-Caucasus, less in Northern Caucasus) and what was the place of authorities in this?²⁹ Generalizations, at this stage of the research, are problematic, and there is a need for a further study that will look at the shifts of the CJ position in different periods and contexts in the modern era. Still, the points raised here it does suggest a different framework to understand the place of CJ.

Anthropological approach: different levels and experiences of Multi-ethnic networks

My basic assumption and argument is that analyzing Jewish identity and Jewish existence is not possible without an understanding of the place that the Jews had in multiethnic surroundings. Attention to diversity and multiethnic relations demands a theoretical approach which enables the analyses of complex and multi-faceted social field. Anthropological approach can contribute to historical understanding of such settings on a few levels. First, regarding the very basic questions of Jewish existence and continuity, anthropological approach suggests special attention to the inter-relations between two complimentary but in other ways also contradictory levels: Jews involvement in Multi-ethnic networks, and the maintenance of ethnic boundaries and separate identity. Second, the anthropological method brings attention to social and cultural context while at the same time combines social analyses with diachronic historical understanding - especially to questions of ethnicity and ethnic relations, which were always central in anthropol-

ogy. Third, anthropology allows the possibility to examine Jewish experiences in Multi-ethnic networks in different phases of everyday experience. By this, it enables an analysis which strives to see the relations between the levels of 'state' and 'society' while giving each of them an independent analytical place, as well as, explaining social processes and historical developments. Hence, insight from current anthropological research can contribute to broaden discussions in social history. All these aspects call on us to examine Multi-ethnic networks beyond the traditional discourse of Jewish experience, and to examine new angles of Jews' interactions and relations with their surroundings.

Two basic arenas of Jews' relations with their surroundings are economy and politics. In the Caucasus, as in other areas, both politics and economy are central arenas for the understanding of the Jewish experience. However, concentrating mainly on these arenas can lead to a misunderstanding of the Jewish experience, and might lead to a tendency to look for general patterns which are taken from a broader discussion of the Jewish Diaspora experience³⁰ without giving enough attention to the local context. This is problematic in general, but has special importance regarding the study of the Caucasus with its unique multiethnic environment. It is also important regarding the situation of Russian Colonialism and domination in the area since the 19th century, which requires a differentiation between the everyday relations with the local society and the relations with the state (without ignoring their mutual influences).

Ethnographic accounts can contribute to this by giving attention also to other aspects

²⁹ See the informative discussion on "the surrounding population and the Jews" in Altschuler, *The Jews of the Eastern Caucasus* 132-146. A discussion of the different approaches that this monumental work, and other writers, offers regarding these questions is necessary, but is beyond the scope of this article. For discussion of hostility against the members of Jewish agricultural cooperatives in Derbent region is discussed by Sonia Razilov, "Taasoka Haklait shel Yehudei Daghestan bein Milhamot Haolam (Agriculture employment among Daghestan Jews between the world wars), research paper, Hamahon Leyahadot Zmanino, The Hebrew University of Jerusalem 62-66. Without ignoring anti-Jewish sentiments that this events manifested, the author does not mention that such hostility happened also towards other groups who were re-settled by the Soviets by locals who saw it as an invasion to their lands.

³⁰ Such patterns can include, for example, the place Jews had in multiethnic trade routes is a vivid example to Jews place in multiethnic networks, as can be seen in different examples- from north Africa, Europe or Central Asia. This is true, to some extent, also for CJ- but this describe only one aspect of their experience, which did not characterized the majority of this population (see for example: description of CJ occupation in late 19th Century in Anisimov Ilia Sh, *Kavkazkie Evrei - Gortzi* [Caucasian Jews of the Mountains] .Moskva: Nauka 2002 [1888] 36-38. These limitations are relevant for other cases as well. Another example is the focus that some approaches give to Jews structural position as rule as economic mediators, or "middle-man minorities" between rulers (often foreigners themselves) and local population (Bonachich, note 18 above).

of everyday experience of Jews in Multi-ethnic networks, beside political and economical, such as the example of patterns of accommodation and neighbors' relations. The manifestations of Multi-ethnic networks in everyday life, however, as we shall see, are not detached from the discussion of economical and political aspects. Rather, it demonstrates and shed light on them from a different angle while trying to show their rule in everyday experience. The following discussion will add another dimension which is highly connected to the first example, which will connect together symbolic manifestations of multiethnic relations and economic exchange.

The "Kunak" tradition: Trade, hospitality and interethnic relations

One contribution of an anthropological approach to the study of Jews in multiethnic networks is in its potential to show the connections between current manifestations of inter-ethnic relations in everyday experience to historical accounts of such interactions. The above discussion which connects together my ethnographic experience in 2003 and the memories of inter-ethnic relations in the 1960's and 1970's is one example of this. At the same time, it seems that this example is not detached from older patterns of inter-ethnic relations and exchange in the Caucasus. Simandu's decision to stay at the house of his previous neighbor is echoing the old Caucasian tradition of the "Kunak": although this is quite a free use of this term, it seems that the Lezgin became a "Kunak" for the Jew, and such relations have roots in the cultural, social and economic meanings of this term.

"Kunak" in a simple interpretation is a friend and an ally whom you trust who lives in another place, village, city or community. This is a term with practical and symbolic importance regarding the centrality of Multi-ethnic networks in the Caucasus, especially in trade and in traveling within this area. The geographical and topographical conditions of the Caucasus, with its high mountains and narrow roads, required networking of different groups in trade. Jews had an important role in this network, although they didn't have any monopolized position, and only

part of them were traders, while others had different occupations, including craftsmanship and agriculture.³¹ Still, traders' networks were important meeting places both on a social and on cultural level. The term and institution of "Kunak" (or also Kurdash) sheds some light on the nature of these networks.

Ilya S. Anisimov, the CJ ethnographer, describes in his 1880's book³² that, "often, a Mountain Jew will enter into a friendship with a Muslim and, kissing him warmly, will become his 'Kurdash' for life. They exchange weapons and make a holy vow to come to one another's assistance, even at the cost of endangering their own lives.

Although it is easy to trace, the fact that Anisimov describes this institution in a romantic and even Orientalist style for his Russians readers³³, shows that there is much evidence for the importance of the "Kunak" system in Caucasian societies and that Jews took part in it as other local groups. Beyond vows and romanticism, the "Kunak" system provided a safe refuge and allies when leaving the local village for trade or any other journey: once you enter a "Kunak" house you receive full hospitality, and this, of course, is a reciprocal situation³⁴. These notions are still in use today in the Caucasus, especially when referring to host-guest relations³⁵.

The changes regarding the role of the "Kunak" in relations give an interesting prism in which to view the modern history of CJ and their place in Multi-ethnic networks. Anisimov and Tsherni's 36 descriptions tell us about Jews as villagers, whom, like other villagers, have kunaks in other

³¹ Anisimov, *ibid.* Altshuler, *The Jews of the Eastern Caucasus* 236-275.

³² Anisimov, *Ilia Sh, Kavkazkie Evrei – Gortzi* 29.

³³ Tsherni give similar description, see "Sefer Hamasaoot" 6.

³⁴ For discussion of Anisimov and Orientalism see also Altshuler Mordecai, Eliyahu Anisimov, *Hoker edat Hay-hodim Hahararim* [Eliyahu Anisimov- researcher of Mountain Jews community] Sfunut, Sidra Hadasha, Sefer Rishon, 1980 287-310, and Goluboff, Sascha L, 2004 *Are they Jews or Asians? Tale about Mountain Jewish Ethnography*, Slavic Review 63, 1 13-140.

³⁵ Although this relations are not necessarily symmetrical, and sometimes its mainly one side who use the other side house while the reciprocal option remain theoretical.

³⁶ I experienced it while going to the Mountains with local people during my 2003 Daghestan journey.

³⁷ Tsherni, "Sefer Hamasaoot", see note 8 above.

villages - often people from other ethnic groups. But their writings also reflect the changes in CJ life in late 19th century, when many CJ migrated to the cities and towns, some of them new towns which started to develop around Russian forts³⁷. An example for this can be seen in Tamir-Khan-Shura (Boynaks) in Daghestan, and in Nal'chik in Kabarda.

In these places, many Jews became "city kunaks" for villagers who came to trade in the town bazaar. In Nal'chik, for example, Kabardians who came to the bazaar preferred to stay and to deal with Jews, then with others such as Russians who settled there as well.³⁸ Nal'chik was built as a Russian fortress in the mid-nineteen century and Jews were among the first settlers there. Jews were living also in some Kabardinian villages. Following the Russian Conquest and during the long Caucasian war in the 19th century many Jews found refuge near Russian fortresses (which evolved into cities), but then remained connected with local population. Such connections lasted for years and also reflected the relations between Kabardians and Jews when the former became the majority in Nal'chik. A similar position of CJ as "city kunaks" is reflected in stories I gathered from CJ who migrated from Derbent to Israel. Among them of particular relevance is the descriptions of the mutual relations between Lezgins and CJ as told by CJ who came to Derbent - them or their parents - from villages where Lezginians were the majority³⁹.

These accounts of Jews serving as "city Kunaks" relates to a long period, from the second half of 19th century until the 1950s-60s, where many other groups went through a fast process of urbanization, as can be seen in the background of both the Jew and the Lezgin in the example above.

Symbolic gestures: maintaining Multi-ethnic networks, maintaining ethnic boundaries.

During the Soviet era, CJ participated in Multi-ethnic networks both as part of their life in multiethnic neighborhoods as well as part of their involvement in the "grey economy" which was an important part of Soviet life. Multi-ethnic networks were crucially important in this kind of non-formal economic structure. This was accompanied also by interesting manifestations of cultural exchange. One such example for this I saw already in 1990, during a visit to Nal'chik, the capital of Kabardino-Balkar ASSR. During a CJ marriage ceremony, the father of the groom was inviting and honoring a Kabardian who was his friend and partner in some "grey economy" trade. The interesting part is that this was accompanied by the playing of Kabardian music and dancing a typical Kabardian danced in honor of this friend/partner in business. The orchestra itself was multiethnic and familiar with different styles of music. This was reflected in their playing not only the music of MJ and Kabardinians but also other types of Caucasian music, as well as Russian and Yiddish music. During the years of studying CJ I witnessed such "structured" gestures of acknowledging the cultural identity of the "other" on other occasions as well.

But such descriptions can easily lead to a romantic perception of inter-ethnic relations in the Caucasus. However, in this specific case the relationship between the Jew and the Kabardian came to a violent end in the middle of the 1990's. I learned that some years later, from relatives of this Jewish family with whom I stayed in close contact. The details of this specific case need a separate discussion, and also I cannot say who, in the end, was responsible for this change. It was clear; however, from what I heard that these developments had to do with the changing situation in the area, the economical crisis which affected society, and, in particular, the growing numbers of Jews who had decided to migrate. In other cases, on the other hand, I saw opposite examples, cases where inter-ethnic cooperation continued, and reshaped even after migration. Still, I relate to this specific case here simply to point out that Multi-ethnic networks, even more than other relationships between people and groups, are highly influenced by outside circum-

³⁷ Altschuler, *The Jews of the Eastern Caucasus* 59.

³⁸ This information is based on different conversations with Jews from Nalchik.

³⁹ One of the stories, which deal with the village of Akhti, also reflects complicated relations: together with accounts of inter-ethnic cooperation, one of this stories claim that last Jews left this village (1960's?) after a tragic bus accident. According to this story the driver was a Jew, and tan anger on the Jews in the village followed this event. These accounts, however, need a separate discussion which will give place also to dilemmas of oral memories as an historical source.

stances and are dependent on the situation of its different partners.

The appearance of gestures as a recognition of other people's identity, which become part of the structure of public events such as wedding ceremonies is especially interesting because it tell us something about the interplay between participating in Multi-ethnic networks and maintaining ethnic boundaries.⁴⁰ I will use another ethnographic example in order to demonstrate this, this time of a marriage ceremony which took part in 2003, in Pyatigorsk, a city in the "Russian" north-center Caucasus. The bride came from Daghestan, and the groom grew up in Pyatigorsk, where many Cj from Daghestan and Chechnya moved to after 1990. I joined the bride's family on their journey from Machakala, Daghestan (a whole day's drive) to Pyatigorsk, where the groom's family lived. Both came from Cj families. During the long drive in the rented bus I learned that among us were also two guests who were Dargins by nationality- relatives from intermarriage in the previous generation, who came from Boynaks. I understood this after talking to one son of this family (born to a Jewish mother and Dargin father), he went to Israel on a youth program and at that time he served at the Israeli army and got a special vacation for the marriage of his relatives. He was quite embarrassed while talking to me, but once I gave him the feeling that I am quite familiar with the Caucasus he seems to become more relaxed. In the evening, during the wedding, the presence of his relatives, the Dargins, were acknowledged by a leader of the community, who was also a relative of the bride, and came with us to Piatigorsk. He greeted them in their language in addition to Russian and Juhuri, pointing out the relations between Dargins and Cj, and thanking them for coming and honoring the event. Then he invited the older Dargin man to give his greetings (all with a microphone in front of the guests). Afterwards the wedding band (like in the other case, composed of musicians from different groups) played music from Daghestan that was familiar to all of the audience.

Watching this and remembering the conversation with his son made me think again about such gestures with regard to intermarriages. It seems that such public acknowledgment of cultural and ethnic identity has a double meaning: it gives a place to the guests who belong to other groups and at the same time it is also symbolically marking them. As part of the importance given to the maintenance of ethnic boundaries, such an action practically reminds these guests and their family members that they are not the first choice for marriage, although they are welcomed guests. In the case described above this involved even a more delicate balance: while it seems that the son was considered a part of the group like everybody else, even though his immigration to Israel pointed out the Jewish side of his identity, his relatives still remained outsiders to the group, although close and respected. This seems to indicate a larger phenomenon in the relations of intermarriages.

On one hand, once there was interethnic marriage it was understood as part of life, especially during Soviet period. But at the same time, most indigenous ethnic communities tried to avoid intermarriages. In that instance, Jews were not so different from other communities. Take for example another story I heard about, from a Kabardian, about a Kabardian young man and a Jewish girl who fall in love. Both families did everything to avoid this connection, not because they didn't like the other group, but because it went against the norms of group endogamy. The couple; however, didn't give up. It took them a few years but in the end they were married and the Kabardian who told me the story said that both families and communities came to the wedding and gave place to both traditions in the celebrations. Still, in most cases, it seems that the couple usually will be more identified with one of the communities, although relations with the other side will remain, and in that sense the couple will serve as axis of another network which can be manifested also in economic or even political collaborations.

All this has to do also with Soviet culture and the influence of its "multinational" ideology, but also has roots in Caucasian traditions. The interplay between these influences requires a different discussion. Regarding the current discus-

40) I do not claim that every marriage ceremony of Cj contains these patterns, but I saw enough examples to regard its understanding as important.

sion, the most important lesson from all this is the importance of the context of a multiethnic society which has many "common" arenas of interaction when at the same time most groups strive to maintain ethnic boundaries. An interesting dialectic exists between building interethnic relations and different mechanisms of boundary maintenance.

Conclusion (I): Multiethnic networks and the study of Caucasian Jews

An important aspect of CJ experience in this diverse area was their situation as "one group among many". As such, CJ saw themselves, and in most cases were also perceived by others, as being "local". This position changed over time and place, but generally speaking, it seems that in this respect, the CJ situation was different from Russians and from Russian Jews who settled in the area. For this population the question of "locality" was more ambiguous. CJ, at least in most years of Russian and Soviet eras, were part of "local" Me-Networks. In both trade and in culture CJ played an important role in the constitution of these networks, a subject that requires additional research.⁴¹ But it is the example of housing and patterns of residence that give salient manifestation for the location of CJ, as one more group, among others, which share multi-ethnic everyday experience and constitute Multi-ethnic networks.⁴²

Common approach in the Historiography of Jews differentiates between Jews in Christian surroundings and Jews in Muslim Surroundings. The case of CJ shows the limits of such simplistic differentiation. Although the religion of the surrounding people is an important factor in the Caucasus, ethnic differentiations and boundaries in this area are highly important, and stand as an important set of variables (which include factors as language, group identity and symbols

etc) in its own right. In this sense, CJ situation should be understood and analyzed in the context of Jews in a multiethnic surrounding, and such a perspective goes beyond the common distinction which places CJ as "Jews among Muslims". At the same time, at certain historical moments the framework of "Jews in Muslim surroundings" becomes more vivid: for example, when resistance to Russian expansion took a religious form, as religion was also a tool to unite the diverse population against a foreign invader.

Russian imperialism and then Soviet Russian control of the area added additional crucial contexts to understanding Jews in the Caucasus in modern period. This lead to another aspect of CJ recent history: the politics of Tatization. It seems that this politics should be understood as a product of Russian, and then Soviet political manipulations, which used a radical reinterpretation of the multiethnic framework in the construction of collective identities [i.e. seeing the Jews as another local ethnic group that have no connections to other Jews]. This raises questions which are beyond the scope of this discussion. Still, the analytical differentiations made above between the situation of Jews regarding the state and their place in everyday Multi-ethnic networks show the limits of "Tatization": although Soviet Authorities and Some parts of CJ elite made a strong effort to identify CJ as Tats, in the every day social interaction both Jews themselves and their neighbors kept their former designation. Both saw their distinctiveness, but also knew about their relations to other Jews. Looking at the dynamics of Multi-ethnic networks show the gap between the salient impact of the "Tati" policy in the political arena and the limited influence in the social sphere of everyday life where Jews remained "Jews" or MJ for their neighbors, and didn't turn into "Tats". This is connected also to the question of the relations between CJ and European/Russian Jews: although there were tensions between the groups, there were important connections as well. It seems that these connections also gave CJ accessibility to other networks, besides those that are the focus of this discussion, but this hypothesis needs further research.⁴³ Another im-

⁴¹ For Some aspects of CJ role in music and the importance of interactions with other groups in this sphere see Eliyahu, Piris. *The Music of the Mountain Jews*, Jerualem: The Jewish Musical Research Center, The Hebrew University of Jerusalem. 1999

⁴² At the same time this example point out the differences regarding this aspect between different communities of CJ: in Kuba, Azerbaijan, for example, CJ had their own area. This influences the nature of relations with surrounding population, although in Kuba as well CJ were involved in Me-Nw.

⁴³ Some examples seems to be "Jewish networks" – as manifested both in Zionist activities (see Altshuler, *The Jews*, p. 486-507) or in the Religious sphere (for example, some CJ Rabbis were educated in Yeshivas in Lita in 19 C. or in Moscow in recent years) as well as connections to "Russian networks" in regard to the place some Russian Jews had in Academy, government etc.

portant case which is connected to questions of identification from one hand, and the meaning of Multi-ethnic networks on the other hand is the case of the survival of Nal'chik Jews during Nazi occupation. Historical discussions of this event give an important account of these events in regard to the German's decisions not to kill the city Jews, which was influenced also by their plans to get the cooperation of the local population, and their fear that applying their regular death policy towards the Jews will harm such cooperation and this had influence even more then any claim that they are "Tats" and not "Jews".⁴⁴ This study, as well as other evidences from this period that were recently collected⁴⁵, give hints to the importance of the patterns of relations between Jews and their local neighbors in this saving. This calls for a farther research regarding the role of Multi-ethnic networks in this less known story of Jewish survival during the Holocaust.

Getting back to Russian rule in the Soviet era, it is clear that Religious differences were an important factor in the relations toward CJ from the authorities (who tried to eliminate their connection to other Jews). But in order to understand their everyday experience and interaction with other groups the multiethnic framework is highly important. This calls for further research which will examine the interplay between the multiethnic and the religious context, in different periods and places. It also call to examine the interplay between the level of interaction with the surrounding society and the interaction with the authorities, which in modern era represent the control of Russians over the Caucasus. The study of Multi-ethnic networks can contribute significantly to the examination of all these aspects of CJ experience while giving an important place to local context and local history.⁴⁶

44 Altshuler, *The Jews*, 122-126.

45 Collected by Svetlana Aharonova Danilova for the Spielberg project (personal communication)..

46 In this sense, the limitations of the current discussion should be noted as well: while manifesting certain elements of Me-Nw, the attention to the differences between local contexts in the areas mentioned was limited. An example for this is the big differences in the Islamic background between different Daghestan people (Avar, Lezgin etc) to the Kabardinians and other groups in North West Caucasus who were Islamized very late.

Study of Multi-ethnic networks can contribute fruitful perspectives to the study of Jews in other places as well. The last paragraph offer different levels, or dimensions of discussion and analysis of Multi-ethnic networks as first step towards a cooperation of anthropological and historical approaches in the study of the interactions of Jews with their surroundings in different periods and contexts.

Conclusion (II): Multi-ethnic networks in everyday experience- 3 levels of discussion

Using ethnographic observations, this article suggest a few different levels for the understanding of Multi-ethnic networks, and the position of Jews (in this case CJ) in such networks. Multi-ethnic networks has practical and even instrumental aspects; it has social aspects and it includes cultural exchange and symbolic aspects. In understanding these levels, attention should be paid to the social and cultural dialectic between the construction of interethnic relations and maintenance of ethnic boundaries.

First, multiethnic networks have an important instrumental and practical side, which enable trade, mutual economic activity and exchange, as well as in the political field. The "practical" side of such networks is demonstrated when individuals use multiethnic networks during travel, work or negotiations with authorities. Practical sides of constituting Multi-ethnic networks can be seen also in the community level when facing a potential crisis, such as in the radical example case of the survival of Nal'chik Jews during Nazi occupation.

Second, such examples of using Multi-ethnic networks as a source of support beyond their original instrumental aspects, such as in the case of the mourning man who received help and support when he came back to the Caucasus, shows that the construction of social relations which have a deeper personal aspects are not less important. Networks, of course, are different from one another in their history and way of creation, but in any case it is important to look on their manifestations on everyday life, and not only on their economic or political functions.

Third, the close look on everyday manifestations of Me-*Nw* show also the importance of symbolic aspects which can be interwoven and immersed in cultural terms (such as in the example of the term "Kunak", which show also how the "cultural" and the "economic/practical" are interwoven) and in dynamic historical memories.

Lastly, there is an important dialectic between the participation in multiethnic networks and the efforts to maintain ethnic boundaries. Moreover, it seems that multiethnic networks can be an important element for ethnic groups only if participation in such networks does not pose a risk to the very existence of the group's collective identity. Maintenance of ethnic boundaries and Jewish patterns of interaction with their surrounding in multiethnic networks are always connected and can be understood only in context in the background of general patterns of ethnic boundaries and ethnic relations in each area. This highlights the importance of the context to any analysis of identity.

Hence, while in the Caucasus such involvement was a way of life common to other groups in the region as well, it is a question for comparative research to see to what extent this patterns characterized Jews in other areas and periods, and when, on the other side of the scale, involvement in Multi-ethnic networks can be a sign for a change, and even a risk for group boundaries. Such discussion also requires some separation between the social and the cultural levels, or more precisely, between maintenance of ethnic boundaries and dynamics of cultural change and exchange. In many cases, the continuing interactions in such networks can be part of "boundary work."⁴⁷ At the same time, this does not imply that there are no cultural influences: participation in multiethnic interactions can influence on continuing social and cultural change and developments within the existing boundaries.

Questions of group boundaries and identity also remind us that it is possible to differentiate between the positions of some individuals in multiethnic networks, and the analysis of the place that such networks have for a group. CJ, in this instance, is an example of a group whose

participation in Multi-ethnic networks significantly influence its way of life. Such groups, I believe, also develop high intercultural abilities, and in some cases even multicultural creativity and capacity.⁴⁸ This raises other questions, regarding both this small group and regarding the history, anthropology and sociology of Jews in general. First, however unique is the Caucasus, some of the levels of Multi-ethnic networks experience call for re-examining and comparative studies of Jews involvement in such networks in other multiethnic settings. Second, a different question, with actual relevance, is what happens to such patterns in case of immigration, and especially when the social environment becomes one where Jews of different backgrounds are the majority. In this sense, it seems that historical discussions of Multi-ethnic networks might have some relevance on current dilemmas regarding recognition of the identity of the "other" and of interethnic interactions in multiethnic societies.

48 I am using this term here in its contemporary normative connotations. This has implementations to the discussion of CJ situation since the majority of this group immigrated to Israel in the 1990s.

Нью-Йорк 2007 г.